

АЛЕКСАНДР ПОЛЮХОВ

ЛЕНИН И КЕРЕНСКИЙ

ВСАДНИКИ
АПОКАЛИПСИСА

2017

Александр Полюхов

**Ленин и Керенский 2017.
Всадники апокалипсиса**

«Книжный мир»

2017

Полюхов А. А.

Ленин и Керенский 2017. Всадники апокалипсиса /
А. А. Полюхов — «Книжный мир», 2017

ISBN 978-5-9909393-9-4

Новая книга Александра Полюхова выходит в год 100-летия Большой Русской Революции и в отличии от предыдущих, носит не мемуарный, а пророческий характер. Как всякая книга о будущем, содержит эпизоды, которые можно назвать фантастическими. Поэтому все персонажи и происшествия в книге являются вымышленными и любое совпадение с реальными людьми и событиями случайно. Автор, используя как катализатор элемент фантастики (переноса в Россию XXI века вождей Февральской и Октябрьской революции Александра Керенского и Владимира Ленина), пытается дать прогноз на ближайшее политическое будущее нашей страны. Можно сказать, что с помощью художественного приема писатель дает хороший толчок российской политической системе и с интересом наблюдает, что с ней происходит. Отличный язык, увлекательный сюжет, аналитические способности автора и его хорошее знание как политической закулисы, так и работы российской и зарубежных спецслужб превратили книгу не только в увлекательное, но и в крайне познавательное чтение.

ISBN 978-5-9909393-9-4

© Полюхов А. А., 2017

© Книжный мир, 2017

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	11
Глава 3	16
Глава 4	21
Глава 5	26
Глава 6	31
Глава 7	37
Глава 8	41
Глава 9	46
Конец ознакомительного фрагмента.	50

Александр Полюхов

Ленин и Керенский 2017.

Всадники апокалипсиса

© А.А. Полюхов, 2017

© Книжный мир, 2017

* * *

*Если из истории убрать всю ложь, то обязательно останется
одна правда. Может, и ничего не останется.*

Глава 1

Вова

Тьма исчезла, нахлынуло разноцветье толпы. Разноголосый гомон сменил беззвучие. Закрыв глаза – пришла серая темнота, неполная из-за проникающегося сквозь веки солнечного света. Бархатная тишина не вернулась.

– Эй, Ильич! Сфоткаешься с нами? – дернул за рукав раскосый мужик в ядовито желтой футболке с принтом *Sex Instructor*.

«Бурят?», – мелькнула мысль. «Хотя тату, если верить рисункам Миклухо-Маклая, напоминают полинезийские. И надпись по-английски. Тогда откуда взялся в Москве? Почему русским языком владеет в совершенстве?»

– Конкретно отбашляю! Встань в середку, обними телок и скажи «чииз»!

«Сыр» произнес по-британски, растягивая губы», – недоумевал мужчина лет пятидесяти, не улыбаясь, а смущаясь от прикосновения к обнаженным талиям и плечам подружек «инструктора». То, что их прикрывало/раздевало, показалось обрывками нижнего белья. «Даже пупки наружу! И бриллианты вставлены!» Вспомнились такие же волнующие прикосновения к телу Инессы Арманд. «Или кожа нежнее у Сашеньки Коллонтай?» – засомневался на мгновение, пока «бурят» небрежно заталкивал купюру в карманчик жилетки.

– Эй, товарищ! – запоздало обратился к удаляющейся спине, из-под майки на которой татуированные языки пламени выползали на шею дарителя.

– Мало что ли? Ну, блин, и расценки в Москве! – «полинезиец» протянул еще банкноту. – Оборзели ваще! Сталина на вас нет!

Только теперь очнувшийся из мрака и безмолвия мужчина оглянулся: вокруг шумела многолюдьем Красная площадь. «Причем тут Сталин – видный, но всего лишь аппаратчик партии большевиков? И отчего не видно трамвая, обычно гремящего через рынок от Исторического музея на Москворецкий мост?» Голова закружилась – близился обморок. В последние месяцы подобное случалось часто, и врачи рекомендовали отправиться на отдых в Горки. Но ведь столько еще предстояло сделать в России: завершить Гражданскую войну, разобраться в наследии Февральской и Октябрьской революций. Захотелось отдохнуть, ноги сами побрели к Спасской башне, чтобы укрыться в кремлевской квартирке. Строгий красноармеец в незнакомой униформе («Троцкий придумал для РККА?») не пустил.

– Здесь только выход, вход через Кутафью башню.

– Часовой, пожалуюсь коменданту. Узнаете меня?

– Конечно. Вождь мирового пролетариата. Только лучше здесь не ошиваться, на этом месте уже пасется один лидер трудового народа.

И, действительно, поблизости «фоткался» с людьми человек в потрепанном костюме из шевиота с кепкой на голове. Вот тот повернулся, явив галстук в горошек и бородатую физиономию: «Вали отсюда, лох драный, а то пасть порву». Точный смысл фразы остался неясным, но угроза в них присутствовала очевидная. Ничего не понимающий мужчина побрел вдоль зубчатой стены Кремля. В затылке усилилась пульсация крови, сразу хуже заработал мозг и упала острота зрения. Вдруг взгляд сфокусировался на бюстах могил, притулившихся к кирпичной кладке: «Свердлов, Фрунзе, Калинин». Дальше читать не стал, отринув кошмарную галлюцинацию. Стал обходить невесть откуда взявшееся невысокое сооружение из красного мрамора. И боковым зрением узрел на фронтоне надпись «Ленин». Сознание померкло, тело сложилось сверху вниз. Брусчатка из магматической породы *габбро* жестко приняла Председателя Совнаркома.

– Капитан, разрешите отвлечь, – лейтенант Службы Охраны повернулся от монитора видеонаблюдения.

– Что? – командир смены, делавший вид, что читает папку со служебными инструкциями, аккуратно её закрыл, дабы подчиненный не увидел вложенный внутрь спорт-журнал. – Флажок?

– Точно.

– Дай угадаю: террорист?

– Нет. И не числится как шпион, судимый или разыскиваемый. Даже не гражданин РФ и не иностранный турист. Программа распознавания лиц выловила субъекта из базы фотографий в СМИ.

– Неужели инопланетянин? – ухмыльнулся старший по званию и подошел к консоли младшего. – Ты еще не нагляделся на ленинских двойников? Рыжеватая борода, кепка, костюм-тройка, наклон головы и готов «Ильич».

– Система дает совпадение в 97 % с Владимиром Ульяновым, каким тот был в 1919 году. С более ранними или поздними изображениями имеется меньшее сходство, хотя по антропометрическим точкам идеальная конвергенция.

– Чувак бабло, видать, гребет немерено. Повезло с внешностью.

– Так-то так, только почему его морды нет в паспортной базе ФМС?

– Наверное, гримируется чересчур.

– О! Упал в обморок прямо перед Мавзолеем.

– Переигрывает! Если через пару минут не встанет, маякни ментам, пусть забирают в обезьянник. Нечего шоу в наше дежурство устраивать.

Ладони мягкие, как у Крупской. Сознание вернулось сперва в функции тактильного восприятия. Поднял веки – обрел и визуальное. Сверху плавало озабоченное лицо женщины, застрявшей в неопределенном возрасте. Она оставила тщетные усилия поднять тело упавшего, безвольное и упругое словно медуза, тяжелое и бугристое будто мешок свеклы.

– Как же вы? Что же вы? – по-бабьи запричитала. – Чем помочь-то?

– Соизволите проводить до Кутафьей башни, коли возможно.

– Пойдемте, пойдемте, а то полицейские сюда набегут.

– От них добра не жди, натерпелся я от жандармских чинов, – Ульянов, опершись на плечо милосердной незнакомки, двинулся прочь от ступенчатой пирамиды, нареченной его партийным псевдонимом. – Вас как величать, гражданка? Каких будете? Из рабочих или из мещан?

– Маша мы будем, – собеседница отчего-то смутилась и перешла на псевдо старинный говор, – докторша мы в Сотой Градской. А вы?

– Владимир Ильич, юрист по образованию, революционер по призванию.

– Похожи и имя-отчество подходящее, – вслух прикинула спутница. – По-моему, вам надо отдохнуть в Александровском саду.

– Некогда-некогда, – прокартавил вождь, но присел на скамейку и даже согласился выбрать мороженое. – Пожалуйте то, что с названием *Extreme*.

Экстремальным нашел не вкус, а вскрытие пластикового пакетика, которое пришлось перепоручить «мягким ручкам». Послевкусие счел слишком навязчивым – рецепторы полости марксиста, рожденного в XIX столетии, не привыкли к искусственному подсластителю века XXI и пальмового масла еще не ведали. Опыт – дело наживное. Его Владимир решил накопить поскорее – есть мороженое ежедневно. Встретилась первая вещь, понравившаяся в фантазматическом мире, где столь нежданно оказался. Исследовать сей *cosmos* следовало понемногу, пока выхватывая отдельные детали. Конечно, требовалось охватить целиком, что в философии называется *in toto*. Но потом, а пока: *audi, vide, sile* — слушай, смотри и молчи. Безумие окончательно наступило в 1923, но сейчас по Москве брел пусть уже заболевший и все же здраво-

мыслящий пришелец из прошлого, еще не растерявший познаний в латыни, приобретенных в гимназии Симбирска.

– Ну, милочка, пора прощаться, – Ульянов остановился у Кутафьей башни, – мне в Кремль, я тут работаю.

– Да, конечно, – огорчилась женщина, чья жизнь лишена мужской составляющей: отъезд за рубеж взрослого сына и смерть долго болевшего мужа. – Сейчас дам мой мобильный, на всякий случай.

– А?

– Вот, возьмите, – тонкие пальцы сунули в карман пиджака визитку с номером. – Наберите, если что...

– Всенепременно, милейшая Мария. Разрешите откланяться.

«Такой вежливый и обходительный! – вздохнула, направляясь к метро, медичка. – Жаль чуток двинулся на сходстве с Лениным. Видимо, интеллигент на пенсии, начал подрабатывать двойником и слишком углубился в подражательство. Не совсем в адеквате, хотя, похоже, непьющий. Подлечиться бы надо». Обогащенная приключением и несколькими тысячами рублей «благодарности», полученной в ГУМе от работавшей там матери одного из пациентов реабилитационного отделения для наркоманов, Маша медленно качалась вместе с вагоном подземки. Впереди нудные часы борьбы против органических и синтетических ядов, отравивших души и плоть москвичей. Капельницы, таблетки, уколы, стоны, рвота, кровь и она – единственный пограничник между Светом и Тьмой. Не злая и не добрая, не уродина и не красавица, не молодая, не старая, а попросту исполнительная докторша. Какой только и должна быть истинно русская свидетельница вождеявления, то бишь, вождепадения у Мавзолея.

– Капитан, неопознанный субъект опять нарисовался. На проходной в Кутафьей права качает.

– Включи звук из КПП. Там коллега хохочет, что-то прикольное.

«Сей пропуск, сударь, мне выписал Бонч-Бруевич! – Ульянов втолковывал на пункте личного контроля посетителей. – Нет, я его не на Арбате купил. Да, без фотографии – так положено. Нет, оружия не имею. А, можно пройти. Не очень вы любезны, товарищ».

– Хохмач. Двинул в Кремль, чтобы снять навар погуще. Спорим?

– С вами спорить себе дороже. Главное, чтобы в Президентский корпус не поперся или в Администрацию.

– Не наша забота. Пусть внутренняя охрана не спит. Хотя береженого Бог бережет: введи метку в видеосистему, чтобы отслеживать его перемещения.

– Уже сделал, поэтому комп эту сцену и выловил.

– Молодец, – старший скупой похвалил младшего по званию, сожалея, что служебная тайна не позволяет вывалить в *youtube* забавные кадры с «вождем». Зевнул и вновь уперся в журнал, где у легкоатлеток **ОФИГИТЕЛЬНЫЕ** формы!

Прогноз был дан верный: туристы наполняли пиджачные и жилеточные карманы деньгами, ненадолго задерживая Ильича на пути к нему домой. Он старался не глазеть по сторонам, дабы люди и предметы своей чужеродностью не переполнили чуть оправившееся сознание. Лишь перед стеклянным параллелепипедом Кремлевского Дворца не выдержал и задал вопрос гиду китайских туристов.

– Гражданин, что за монстр?

– Коммунисты построили для партсъездов. Встань немного левее, в центр группового фото. Держи таксу.

«Так значит, социалистическая революция, о необходимости которой говорили большевики, победила окончательно! Значит, вокруг социализм! – неосторожно проклюнулся росток

оптимизма. – Не зря жертвы и страдания. Вон и китайцев полным-полно. Получатся, товарищ Сунь Ятсен сумел организовать успешное восстание в Пекине». Увы, скоро стремление спрятаться в положительных мыслях пришло в противоречие с реальностями непривычного мира вокруг. Боец в ладно сидящем костюме из тонкой шерсти («Не хватает обмундирования в РККА! Одежду с буржуя пришлось снять солдатику») пресёк попытку войти в здание Сената.

– Сюда нельзя!

– Я к себе в квартиру, на третий этаж.

– В 1994 году перенесли вашу квартиру в Горки.

– Ахинею несете, милейший. В ней же Крупская проживает, сестры мои... – по инерции бормотал сразу постаревший на столетие человек, датой «1994» окончательно обрушенный в настоящее.

– Президент тут работает. Никто в Кремле не живет, кроме охраны. Понятно, старик? Или полицию вызвать? – из рукава в ладонь оперативника скользнул пульт переговорного устройства.

– Понял, – снял с головы кепку и сжал в руке, как бывало на митингах.

Поток гостей столицы увлекал сгорбленного пешехода к Спасской башне и после нескольких платных фотосессий вытолкнул вновь на Красную площадь.

– Попался, сучара! – последовал сильный пинок пониже спины. – На моем участке захотел туристов окучивать! Крысятничаешь, вобщак капусту не сдаешь!

Второй раз подниматься с брусчатки помогли сильные руки, ментовские. Они же сунули на заднее сидение «фордика», ловко скользнувшего в лабиринт между сотнями зевак, застывшими под удары курантов. Все головы задраны в сторону башенных колоколов, заигравших отчего-то не «Интернационал», как полагалось по декрету Совнаркома, а иную музыку, гордую и величавую. «Россия – священная наша держава, – напевал молоденький сержант, шустро крутя руль, – Россия – любимая наша страна!» Униформа ладно обтекала широкие плечи. Водителю весело, пассажиру захотелось плакать.

– Менты замели-таки скомороха в кепке.

– Допрыгался! Ты сигнал ведь им давал?

– Давал, как велели.

– Добро. Сделай отметку: наша наводка реализована нарядом из ОВД «Китай-город», неадекватный субъект изолирован, общественный порядок восстановлен. Не забывай для отчетности фиксировать каждое оперативное мероприятие. Не Бог весть что, а галочку заработали за смену Ясно?

– Так точно. Сейчас файл заархивирую. Но как же дедок похож на настоящего Ленина! Как живой! Не чучело из Мавзолея.

– Отставить, лейтенант. На службе не положено выказывать политические предпочтения, – назидательно изрек капитан, чьи идеологические симпатии обретались на левом фланге, но исключительно во внеслужебное время. – Скоро обед, прикройешь меня на часок.

Штаб-квартира Агрохолдинга впечатляла: дорогуший адрес в переулках центра, впечатляющий размер, футуристическое здание, дымчатые стекла по кругу. Партия Большевиков ни в какие времена не чуралась бизнеса, особенно крупного. И после краха СССР, не заикливаясь на взносах неимущих членов и пожертвованиях богатых сочувствующих, нырнула в водовороты рыночной экономики, вынырнув не с пустыми руками. Их и потирал партийный лидер, взирая на приближающийся офис, где удобно совещаться. Вместе с ним, увы, приближался и пленум партийного секретариата, на котором предстояло утвердить план идеологическо-пропагандистской работы. Ничего прорывного и содержательного не ожидалось. Опять предлагался выпуск статей и листовок, которые никто не читает. Снова захотели организовать

митинг, что соберет тысячу-другую пенсионеров – вымирающий электорат. Ну, сформулировали лозунги против засилья олигархов – тут надо бы аккуратнее, без имен. Иные требовали показать по ТВ старые фильмы про выстрел «Авроры» и штурм Зимнего дворца. Задумали вытащить престарелого космонавта, чтобы открыл глаза молодежи на советский приоритет в запуске спутника Земли и отправке Гагарина на орбиту. Только кому нынче интересна набившая оскомину жвачка? Молодежь живет в интернете и мечтает жить «за бугром», старики подавлены скудностью пенсий и раздавлены расходами ЖКХ. Только об этом лучше помалкивать – не восстание же поднимать. Его фиг организуешь, да и штаб-квартиру жаль – побьют стекла в холдинге. Опять же гарантированы наезды госбезопасности, СК, главпрокуратуры, финмониторинга. «Надо что-то придумать, посоветаться с партийцами», – тешил себя иллюзией, выходя из дорогого авто с номером серии «АМР». И первое, и второй доставались не каждому депутату Думы, а только ее столпам – пусть и левым, зато близким к гаражу управделами Президента. Тех, кто гонит волну, среди них не наблюдалось. Полдень в Москве.

Глава 2

Саша

Полдень и в Северной Пальмире – пушка в Петропавловской крепости бабахнула! Александр аж подпрыгнул на кровати, зачем-то розовой и круглой. Просыпаться не хотелось – загулял до глубокой белой ночи, что заколдовывает столицу Российской империи в июне. Глаз не открывал, пытаюсь вспомнить, что же произошло в те восхитительные призрачные часы, когда природа не может решить: темно в городе или нет. Стал отматывать события назад, стараясь уловить логику случившегося с ним. Вот идет под руку с умопомрачительной девушкой по серым безлюдным, словно мертвым улицам. А вышли из металлической двери с крошечным иллюминатором и двумя цирковыми силачами по бокам. Вот еще эпизод: внутри, в подземном зале гремит неземная музыка. Ритмический акцент не совпадает с метрическим – синкопа за синкопой. Извиваются фигуры, хаотически бродят лучи света в пугающе-сказочном зазеркалье. Подходит она (забыл имя) – в обтягивающем трико (тоже из цирка?), стройная, гибкая и яркая, как змея из тропиков. Обнимает за шею, дышит слова в ухо. А до нее приставал парень в парике и блузе, декольте которой дополнял собачий ошейник. Гладил по бедру и глаголил чушь несусветную.

«Папик, мне нравится твой прикид – френч и стильный ежик. Стиль милитари и стальной цвет волос сейчас в тренде. Правда, дружок, что ты женщиной переодевался в Зимнем Дворце? Не женщиной, а матросом? Шалунишка! Люблю морячков, у них бесподобная эрекция. Осенью заходил французский корвет, там ТАКОЙ был лейтенант-афроевропеец. Так бы и съел сладенького. Что такое афроевропеец? Негр, живущий в Европе, только политкорректность запрещает негра называть негром и даже черным. Не знаком с термином «политкорректность»? Например, мы с тобой, геи не хотим, чтобы нас обзывали педиками. Ты, кстати, как предпочитаешь? Наверное, жесточе, ведь, поди, из военных будешь. Кожаные штучки, цепи, шипы? Сам худощавый от злости или в спортзале себя истязает? Дай, пощупать «кубики» пресса». Тут незнакомка и подплыла, наглеца отшила: «Лёд у себя в стакане щупай или шары в карманах! Не видишь: гетеросексуал? Мой клиент».

Но как с мужеложцем произошло изначальное знакомство? Память подсказала: это случилось в помещении ватерклозета. Там Александр впервые в чуждом мире и обнаружил себя, стоящим перед зеркалом. Суровое сухое лицо с длинным прямым носом не могло скрыть растерянности: перед выходом из кабинки обнаружил, что упустил, испачкал исподнее. Приступы медвежьей болезни участились после октябрьского переворота. Видимо, заметив минорное настроение, любитель морячков подкатил и предложил выпить в баре. Услышав про боль в висках, великодушно одарил таблеткой. Голова сразу прошла и пошла кругом, всё смешалось.

– Сашенька, просыпайся! Мне пора на работу, – голос принадлежал совсем другой женщине – без макияжа и в брючном костюме. – Принесла тебе анальгетик, а то ты вчера прилично выпил.

– Нет-нет, только не микстура! Мигрень исчезла, вероятно, помогло лекарство, что дал тот юноша.

– Ага! «Лекарство»! Наркотик тебе всучил, сосунок конченный! Надо поосторожнее в клубах, там публика попадается опасная.

– А вы, мадмуазель... Запомнил ваше имя, *миль пардон*.

– Лидия.

– Но вчера звались иначе, нечто французское...

– Николь – псевдоним для ночной профессии.

– Вы трудитесь по ночам? Бедное дитя! Тогда почему сегодня днем собираетесь на службу?

– В детский сад для приличия устроилась на полставки, художественным руководителем. На полную не берут, высшее образование не смогла закончить.

– Смольный институт благородных девиц? Не успели диплом получить до захвата здания большевиками?

– Так большевики его сто лет назад захватили. Диплом я профукала: залетела, сын родился. Приходится по клубам и ресторанам вкалывать.

– Правильно ли понимаю, что имею честь беседовать с дамой полусвета?

– Правильно. Кстати, должен мне две сотни за ночь и сотню за выпивку.

– Увы, добрейшая Николь, – признался мужчина, осмотрев карманы френча, – я совершенно без средств – финансы российские разорены, жалование давно не выплачивали.

– Неужели и чиновникам зарплату задерживают? Ты же бухтел, что в правительстве служишь.

– Истинно так. Я – Александр Федорович Керенский, председатель Временного правительства России.

– Полный отстой! Как тебя от «колес» развезло.

– Ничегошеньки не понимаю, любезная. Но триста рублей не столь великие деньги, чтобы убиваться. Ведь коробок спичек стоит миллион.

– «Лимонами» цены исчислялись в 90-е, хотя при нынешней инфляции впору опять деноминацию проводить.

– Ошибаетесь, милочка, при Александре III рубль являлся самой крепкой валютой Европы.

– Имею в виду конец XX века, а не XIX.

Приглаживая короткую седую растительность на вытянутом черепе, бывший эсер, трудовик и думец, министр юстиции, морских и военных дел, глава Директории и прочая, надолго умолк. Уже сообразил, что попал в иное время, но упоминание конкретного десятилетия двадцатого столетия ввергло в шок. Дальше тянуть не имело смысла, настал миг задать главный вопрос.

– Нынче который год от Рождества Христова?

– Ну, ты накидался вчера! Третье тысячелетие тикает. А должен мне три сотни «грин», а не рублей. Деньги для меня серьезные, на них рассчитывала, мне хозяину за квартиру платить, – взор девушки на миг затуманился, потом карие глаза заговорщицки сверкнули. – Отпашешь у Исаакя.

– Где ж там пахать? В Александровском саду прикажете? Что там посадишь? – мелкими отговорками Керенский отгораживался от ужаса, рожденного его личным путешествием через столетие.

– В Блокаду люди картошку и свеклу сажали.

– Красные или белые осаждали Петроград?

– Немцы, 871 день и ночь кошмара.

– Армия императора Вильгельма добралась до российской столицы?

– Нет, фюрера Гитлера. Совсем что ли историю не знаешь? Я тебе про главного фашиста толкую.

– Путаєте, барышня! Фашизм ведь только-только зародился в Италии. Некий Муссолини...

– Во Вторую мировую войну Муссолини был на подхвате у Гитлера, тот захватил всю Европу. В итоге вломили ему по полной, хотя только наши потери превысили 20 млн. человек, – хурук не удержалась от экскурса в историю, знакомую каждому жителю Петербурга.

– ДВАДЦАТЬ МИЛЛИОНОВ! – ошарашенный гость из прошлого не мог переварить «двочку» с семью нулями. – А меня ругали за политику соглашательства с Германией! С германцами следует дружить. Я...

– Хорош балаболить, вернемся к нашим баранам. Короче: постоишь у входа в церковь, я отпрошусь с работы и буду баксы собирать.

– Милостыню на паперти просить не стану. И в Бога не верую! – мастер риторики перешел на короткие отрицания – время длинных речей прошло вместе с прошлым веком. – Про «баксы» мне ничего не известно.

– Научись! Там интуристов в обеденное время полно – будешь изображать Керенского за доллары, – худрук развивала бизнес-план.

– Доллары североамериканские?

– Не панамские же! – отшила ночная фея. – Брось вилить, прямо ответь: будешь работать или мне позвонить «Рефрижератору»? Он с тебя должок получит с процентами.

– Рефрижератор, – с ударением на последний слог спросил пришелец, – обрусевший француз?

– Криминальный русак, здоровенный и злой! Готов выступать в шоу?

– В любительских постановках участвовать доводилось, – уже более позитивно Александр начал вживаться в реалии современной России. – США – это звучит многообещающе. С американцами дело иметь приходилось.

– Чудесно! Глотай кофе с бутерами и вперед.

Ближе к обеду, преодолев Мойку, парочка оказалась у Собора. Погода выдалась расчудесная, и стадо туристов, подавленных монументальностью храма, бродило в поисках менее крупных форм, достойных погребения в цифровой памяти смартфонов. Экс-премьер, задержавшийся на Фонарном мосту на мгновение, чтобы узреть свой питерский талисман – бронзовую голову единорога, вновь поверил, что удача ему улыбнется. Вида не подал, ходил суровый, по-наполеоновски заложив длань на груди, между пуговицам френча. «Господа, леди и джентльмены, – завопила на русскоанглийском Лида, – перед вами Александр Керенский – отец Февральской революции, создатель Временного правительства, свергнувшего императора и в свою очередь свергнутого большевиками. История оживает перед вашими объективами. Походите для личной или групповой фотосессии. Расценки гибкие. За отдельную плату возможна беседа с вождем капиталистической России».

Толпа зашумела, нахлынула. Касса заработала, чёс начался. Только за съемку бухого финна в обнимку с российским гарантом финляндской конституции запросила Николь (иностранный имя предполагало повышенные расценки) 200, получила 150. Что резко повысило реноме главы Директории в ее глазах. «Серьезный чел, – размышляла девушка, когда турпоток ослабел, повернув от Исаакя к заведениям общественного питания для ланча, – обходительный и языки вражеские знает. Вот бы с ним из Рашки свалить! Надо придумать, как эффективнее монетизировать его внешность и таланты, желательно в твердую валюту». Мечта покинуть Родину овладела давно. Сдерживало лишь отсутствие материальной базы для жизни ТАМ, где в детских садах не нужны бездипломные худруки, а проститутки в избытке.

– Не, глянь, наглеют с каждым днем! – сотрудник патрульно-постовой службы от возмущения заерзал на продавленной сидухе в «ладе» с цвето-графической раскраской полиции.

– Куют презренный металл, – напарник умел сплестать литературный лексикон и новояз. – Сейчас обнимем? А то жрать охота.

– Закончат, двинут к себе. На хате и примем, заодно выясним, что за артисты. Мужик обалденно смахивает на Керенского.

– В кино бы играть с его данными.

– Лучше скажи: с такими данным и на свободе.

– Это временно. Если упрутся и «зелени» не откашляют, сунем в обезьянник, чтобы очухались.

– Девка хороша – надо бы оприходовать.

– Маньяк! Нынче с этим строго, весь отдел видеокамерами утыкан, не разгуляешься.

– Дык, на фатере и трахнем.

– Стрёмно. К тому же сдаётся мне, а значит, так оно и есть, – подпустил афористичности более зрелый из ментов, – что видел её в ночном клубе. Кажись, под «Рефрижератором» ходит. Он за своих шлюх горой стоит, организует заявление об изнасиловании, свидетелей подтянет. Оно нам надо?

– Ладно, берем только бабло.

– И то верно: просто бизнес, ничего личного.

– Но задница у нее супер!

– Кончай!

– Прямо здесь, в салоне?

– Дрочила!

– Сам дрочила!

Консул в Древнем Риме – фигура! Главный избираемый чиновник! Нынче красивый титул обозначал дипломата, присматривающего на чужой территории за интересами своего государства. Справки, шпионаж, дела о утраченных паспортах сограждан, наследственные тяжбы. Скукота смертная, а самое противное – постоянное обслуживание «важных» гостей, имеющих блат в госдепартаменте. Внешне почетно, а на деле – встретить, отвези, налей, выпей. Хорошо коллегам в российском захолустье: туда мало желающих путешествовать. В Петербурге же ручеек визитеров не иссякал, несмотря на санкции, охлаждения, запреты. Зимой все прутся в Эрмитаж, летом – программа обширнее. С утра лимузин со звездно-полосатым флажком успел смотаться в Петродворец, сейчас скользил по набережным Невы с их чарующими видами. Посещение Исаакиевского собора – *must* в программе осмотра культурной столицы. Нынешний вип-турист, хоть и мормон, однако изволил поинтересоваться православным храмом. «Зануда редкостный, святошу строит из себя, – кивая головой и елеино улыбаясь, размышлял консул. – Хорошо еще сын согласился со нами поехать, развлекает баснями из истории России. Подсел на тему капитально, лучше бы в футбол играл, а то ботаном вырастет».

– Пап, смотри, Керенский чешет по тротуару, – словно угадав мысли отца, встрял вихрастый тинэйджер. – Помнишь, я *report* про Временное правительство написал. Препод сказал, пригодится при поступлении в Гарвард.

Отца больше волновал вопрос об оплате университета, но отложил на потом, предпочтя информированностью произвести впечатление на могущественного жителя штата Юта. Перстом указал на пешехода.

– Первый премьер-министр демократической России. Сверг царя и боролся с большевиками.

– Копия, конечно, – добавил отпрыск, переполненный эрудицией. – Оригинал давно отбросил копыта.

– Вау! – последовала реакция гостя, подуставшего от величия города на Неве. – Хочу с ним познакомиться, остановите машину.

– Майкл, вперед! – дипломат щелкнул пальцами.

Парень опустил стекло «кадиллака» точно в ту секунду, когда Лида возбужденно шепнула: «Сашенька, нас пасут! В тачке, слева менты». Глава Директории, после октябрьского переворота прятавшийся по питерским пригородам, напрягся: «Дзержинский подослал чекистов, не иначе». И тут же расслабился: прошло сто лет. Всё же, будучи в неведении относительно политического устройства нынешней России, благосклонно воспринял приглашение

подростка уселся в лимузин к американцам. Выбираться из сложных ситуаций на дипломатических экипажах начинало входить в привычку после побега из Зимнего дворца. «Кадиллак» с удлиненным салоном обнял Александра и Лидию, разместив напротив резидента ЦРУ и руководителя «Комитета по связям с военными» (есть, оказывается, и таковой в «Церкви Иисуса Святых последних дней»).

– Добрый день, джентльмены! – Александр сходу включил шарм. – Спасибо, что соблаговолили подвезти, господин посол.

– О, я – просто консул, – поправил дипломат/шпион. – Мой гость хотел бы пообщаться с вами.

– И пригласить пообедать, – взял бразды правления мормон, посчитавший забавным поболтать с русским имитатором: будет что рассказать друзьям в Солт-Лэйк-Сити, – а также побеседовать о судьбах России.

– Сочту за честь, но со мной дама...

– Отлично: разбавит мужскую компанию, – вставил Майкл, вывернувший шею с переднего сидения, чтобы пялиться на красотку.

– Разумеется, – согласился папаша, прикинув, что есть шанс и на более тесное общение сына с девушкой, несомненно, способное уменьшить образование прыщей на подростковой ряшке. – Опять же мисс украсит совместную фотографию. Надеюсь, расценки не слишком высоки?

– Разумеется, – подала первую реплику потенциальная эмигрантка, ошарашенная знакомством с представителем США – страны «Сияющего Храма на Холме». – Если мое присутствие будет полезно.

Во время представлений и болтовни ни о чем мужская четверка (или пятерка, если не забывать о шофере) прикидывала, где и с кем будет присутствовать Лидия в ночное время. Ее личное мнение в те минуты претерпевало коррекцию. Александр достойно проявил себя в кровати, хотя с утра странновато вел себя. Пацан симпатичен, но что у него есть кроме скромных карманных денег? Папаша его выглядит привлекательно, опять же шишка в консульстве. Только захочет трахнуть на халяву, пообещав грин-карту, а потом и по телефону до него не дозвонишься. Лысый американец оставался темной лошадкой – консул перед ним заискивал, вот только непонятно, как у мормонов с внебрачными связями. Приняла исторически верное решение: в ресторане мужики выпьют, языки развяжутся и картина прояснится. Направились они, с подсказки Майкла, в «Русский китч», что через Неву напротив Английской набережной. А китч – мешанина еще та, логике не поддается. В нем главное – экстравагантность, а сочетание элементов – хаотическое.

Самым неожиданным из них и стало сообщение, поступившее мормону из штаб-квартиры Церкви, на чей сервер его смартфон в реальном времени сбрасывал новые заметки, фото и прочие цифровые следы из России. Там же в штате Юта разместился и Центр хранения метаданных и прочих материалов Агентства национальной безопасности, которое рутинно перехватывало ВСЬ мировой телетрафик. Его суперкомпьютеры с зачатками искусственного интеллекта опознали обедающего русского как Александра Федоровича Керенского («Вероятность 95 %. Руководству ЦРУ доложено»). В этом царстве информации, способном вместить ВСЁ, что в ближайшие десятилетия мелькнет в сетях и интернете, трудилось много верных сынов Церкви...

Руководитель «Комитета по связям с военными» вздрогнул, прочитав известие и спросил консула, разрешается ли курить в заведении. Тот приподнял бровь, но смутить шпиона нелегко даже некурящему мормону, и предложил выйти на улицу. Там и состоялся разговор об индивидуе, любящем монологи, езду на дипавто и обеды за счет бюджета США.

Глава 3

Клетка

Запашок и люмпен знакомы по Зимнему дворцу и, позже – после переезда правительства в Москву – по Кремлю. Туда пролетарские массы несли вонь, мочу, плевки, грязь, сквернословие. Еще недавно удивлялся чистоте Красной площади, а теперь сидел в переполненном обезьяннике «Китай-города» и чувствовал, как подкрадывается приступ мигрени.

– Ты, – через решетку ткнул пальцем сержант, – подь сюда.

– Вы ко мне, товарищ? – Владимир безошибочно определил происхождение служивого – «из деревенской бедноты».

– Тамбовский волк тебе товарищ. Двигай булками к дознавателю.

Как серый из Тамбова может быть товарищем рыжеватому из Симбирска, Ленин не представлял, ровно, как не имел понятия о технике передвижения хлебобулочных изделий. Вынуждено побрел во коридору. В кабинете по-канцелярски уютно. Полки с папками, стальной ящик для «секретки», несколько стульев и стол у окна. Чисто выбритый, одеклоном пахнувший, аккуратно одетый брюнет вписывался в интерьер. «Из купцов или разночинцев? – прикинул Владимир. – Столоначальник».

– Почему без документов? – последовал дежурный вопрос.

– Я же предъявил пропуск в Кремль от Бонч-Бруевича.

– Фальшак. Засунь его себе в.... Сейчас даже в сортир без паспорта не пускают, а ты с бумажкой ходишь, без фотки.

– На меня напали, – перешел в контратаку потерпевший, – прямо у Спасской башни.

– Скажи спасибо, что тебя другие «ленины» не отметили по-взрослому, – процедил мент. – Площадь давно ими поделена на участки, каждый козел на своем пасется, а ты влез без спроса.

– Но чем я помешал? – недоумевал борец за свободу трудового народа.

– Чудак! Деньжищи там неплохие крутятся. А за дензнаки, сам понимаешь..., – дознаватель доброжелательно пояснил.

– Ах, вот как: именем Ульянова обируют трудящихся, – знаток политэкономии осознал, что социализм не сумел отменить товарно-денежные отношения, не реализовал принцип «От каждого по способностям, каждому по потребностям».

– Ладно, папаша, некогда с тобой валандаться – митингующими полна коробушка. Добрый сегодня: замнем на первый раз, – хозяин кабинета торопился избавиться от неопасного, хотя и придурковатого задержанного. – Сейчас пальчики твои откатаем и отпустим. Но если еще попадешься...

Вождь недоумевал, как можно катать персты. Позже предстояло услышать, что в новой реальности откатывают даже деньги из бюджета. Вытирая носовым платком дактилоскопическую краску, вышел на белый свет и оторопел от сгрудившихся на тротуаре людей, галдящих на языках Пушкина, Шекспира, Гёте и Мольера. Словно стая сизарей на горбушку, набросились на освобожденного.

– Интервью для Би-Би-Си! Я из «Голоса Америки»! Телеканал «Дождь»! – кричали со всех сторон. – Вам выписали штраф? Обжаловать будете? Адвокат нужен?

Заткнув уши от гвалта и прикрывшись ладонью от объективов камер, лысый с бородкой боком-боком стал удаляться от полицейского околотка. Раздавшийся сзади шепот заставил притормозить.

– наших скоро выпускать начнут? – произнес двадцатилетний крепыш в накинutom, несмотря на летнее время, капюшоне.

- Сие мне неведомо. Каких-таких «наших»?
- Нациков, – удивился носитель худи. – Их на демонстрации повязал ОМОН. А либералов подержат еще, их всегда последними отпускают.
- Нациков? – недоумевал Ильич.
- Русских националистов. Не слыхал что ли? Замшелый старикан. Такие как я, простые ребята с татушками за свободу борются против засилья иностранцев и господства российской буржуазии.
- То есть на левом фланге стоите, – начал врубаться Ленин.
- Бесконечно «левые» и абсолютно «правые» одновременно. Митинги совместно с либералами проводим для массовости. Главное – раскатать нынешний режим, а когда свергнем, захватим власть мозолистыми руками. Давай к нам, ты, судя по ряшке и прикиду, нашей ориентации будешь.

Пульсирующая боль тормозила работу верхней коры головного мозга у титана мировой революции. Тем не менее, 1340 граммов серого вещества (средняя величина для европейца – 1400) выдали правильный алгоритм действий: требуется отдохнуть от давящей необычности окружающего мира, реальность которого уже нельзя списать на иллюзию или галлюцинацию. Ведь, «материя есть объективная реальность, данная нам в ощущении», как давным-давно сформулировал для себя и тех, кто верует в марксизм-ленинизм. Правда, еще Кант бухтел про «безграничную реальность вещей вообще», но родоначальника немецкой философии в России не воспринимают всерьез.

– Любезный, мне бы позвонить. Не соизволите подсказать, где имеется телефонный аппарат поблизости?

– Держи трубу – мне не жалко. Только не долго, а то у меня денег на симке почти не осталось, – капюшононосец полез в карман и, увидев затруднение собеседника, растерянного непонятными для него терминами из сферы мобильной связи, предложил помощь. – Какой номер набрать?

– Вот, – главный большевик протянул визитку, – будьте любезны.

Мария ответила не сразу – нарик хватал за руки, не давая из халата достать смартфон. Выслушала не слишком связанную речь и по-докторски строго скомандовала: «Приезжайте немедленно ко мне в Сотую градскую, корпус..., отделение...»

– Ты, батя, не пропадай, приходи к нам на демонстрации, – стесняясь собственной доброты, нацик усадил в такси освобожденного из застенков.

– Нежный у вас сын, – прокомментировал водитель, надеясь на более щедрые чаевые и не представляя, что позавчера в электричке группировка «сынули» сотворила с не столь хорошо изъясняющимся по-русски пассажиром. Волосы у жертвы черные и выющиеся, а не рыжие и прямые, как у «ленина». В одиночку начинающему садисту звереть сложнее, чем в банде: в редкие минуты слабости можно и страждущему помочь.

Оказавшись на заднем сидении «киа», вождь устало взирал на улицы Москвы и не вспоминал свое же заключение, что «объективная реальность... копируется, фотографируется, отображается нашими ощущениями, существуя независимо от них». А зря: техник ОВД сканировала его отпечатки пальцев и нажала кнопку *enter*. Комп заглотил файл, полнив базу как МВД, так и госбезопасности – далеко не столь мощную, как у коллег в США, а все ж массивную, с историей, включавшую наследие не только КГБ/ВЧК, но даже царской охраны. Ликвидированное Керенским учреждение – не в пример преемникам – насчитывало всего-то тысячу сотрудников. Учет тогда был поставлен отменно, с акцентом на новейшие достижения в сыскном деле, включая дактилоскопию. Покумекав, база нашла аналог ста с лишним лет давности: отчисленный за вольнодумство студент первого курса Казанского университета В.И. Ульянов – смутьян, чей брат казнен за покушение на царя. Фото прилагались. Дежурный

Оперативно-информационного центра ГБ услышал «блип» и сперва счел аларм ошибкой, но, проверив корректность обработки данных, сигнализировал старшему смены. Колеса закрутились, сперва медленно, потом набирая скорость. Стали подключаться старшие офицеры. Как гелий поднимает аэростат, так начальственное внимание толкало вопрос наверх. Как высоко поднимется воздушный шар зависело только от его объема, а надувать аппаратчики умеют. Тут важно не перекачать – вдруг лопнет. Опять же небезопасно надувать больше размеров помещения, в котором находишься. Хотя у руководителей кабинеты вместительные...

Программы детокса разнятся, пациент разный попадает. У опытных докторов и без анализов глаз видит, что следует делать в первую очередь. Струйно промыть кровеносную систему или капельно, какие препараты предпочесть, анализы назначить. Ильича впечатлил профессионализм Марии. Слушал словно песню на неизвестном языке: «общая биохимия, сахара посмотреть отдельно, рентген грудной клетки, МРТ головы и шейного отдела, давление и пульс вывести на монитор». Легкое седативное средство помогло расслабиться. «Заботливая и умная, как моя Наденька, – мелькали последние впечатления перед погружением в забытие, – жаль столь же занята работой, а не своей женственностью. Хотя зубы ровные, волосы уложены волной и маникюр имеется».

Реаниматор – специальность строгая. Надо знать практически всю медицину кроме, пожалуй, *трихологии*, и то, если у пациента эти самые волосы от радиации не вываливаются. Положив руку на лоб новому знакомому и рассматривая его, симпатичного и умиротворенного во сне, Маша не могла абстрагироваться от медицинской составляющей: имел место припадок у Мавзолея, МРТ выявила слабую проходимость сонной артерии и наличие кисты в лобной доле левого полушария, рентген показал в правом плече и в ключице осколки пуль. Требовалось серьезное лечение, только кто же его госпитализирует, если у больного нет медицинских и других документов. Можно, ясное дело, за деньги, но потребуются серьезные суммы, а у Володи кроме потертого костюма и кое-каких денег в карманах неизвестно, есть ли что еще. «Пусть пока полежит в моем отделении, коллеги потерпят его день-два, а там с ним пообщаемся поплотнее», – решила женщина, и на душе потеплело – хоть какая близость с мужчиной.

Тщедушность агента «Слон» свидетельствовала, что куратор из ГБ обладал чувством юмора, раз выбрал столь неадекватный псевдоним. Размер имеет значение: навики покрупнее не могли и представить, что мелкий сотоварищ представляет для них опасность. Сейчас тот делал вид, что хочет окропить мочой стену обезьянника, нарываясь на тычок или подзатыльник караульного в бронежилете и при «калашникове».

– Не, чо за ботва в натуре! – вещал завербованный радикал. – От нас требуют соблюдения закона, а сами морят голодом уже четвертый час. Даже оправиться не выводят, как положено.

– Насышь, заставлю вылизать языком, – предсказуемо пообещал мент. – Оформят вам административное нарушение и выпустят к чертям собачьим.

– Посмотри, кто кого заставит, – парнишка особо не боялся, ибо знал, куратор всегда отмажет от полиции.

– Сядь, «Клык», не мельтеши, – окликнул командир ячейки, который завсегда издевался над боевой кличкой, взятой игрушечным боевиком. – На улице с сатрапами надо разбираться, не здесь.

– Как скажешь, «Топор», как скажешь.

Когда решетка открылась, измаявшихся «революционеров» встретила прохлада вечерней столицы, теплые объятия встречающих друзей, а также вопросы-выстрелы: «Избивали? Пытали? Есть пострадавшие?» Удовлетворив любопытство журналистов, пошли по пивку. Среди рассказов о героической борьбе с кремлевской диктатурой и предложений по будущим акциям прозвучала и байка о плененном «ленине». Мол, вышел из ОВД, настолько потеряв

рассудок, что сам не мог позвонить собственной бабе. «Га-га и гы-гы», – отреагировала публика, а «Слон» вставил: «Ментовка не для слабаков – сломала вождя». «Слышь, не кипиши, – шикнул «Топор», – революция – дело молодых, старикам в ней нет места». С подбором лозунгов у командира ячейки был порядок, нелады имелись с подбором кадров и выбором целей для акций. Но внешние источники финансирования не ожидали слишком много от шеф-повара беспорядков – лишь бы в котле кипело, пузыри надувались и лопались. Прикинув расклады, счел нужным дистанцироваться от Ульянова.

– Мать у него родом из сионистов, – поставил политический диагноз.

– Просто с немецко-шведскими корнями, – неосторожно поправил новичок из начитанных студиозов, что «учатся» в расплодившихся лавочках, числящихся ВУЗами.

– Еврейка! – «Топор» вынес расовый приговор без права апелляции. – Адольф бы её в лагерь отправил или сразу в газовую печь. А корни, – насупился, – засунь себе в жопу и поверни три раза, прежде чем вякать.

Соратники заржали, студент проглотил язык: пивная – не аудитория, мускулистый фюрер – не сугулый препод.

Дюбенин ужинал с идеологически близкими партнерами: академик, писатель, секретарь городской организации и латифундист, скупивший неведомо сколько гектаров колхозных земель. Близился финал пустопорожнего разговора о судьбах страны и роли партии в реформировании общества, когда в кармане некстати завибрировал параллелепипед с надкусанным яблочком. Шоколадный флан – в «*Чаика*» его отменно готовят с ванильным мороженым – встал поперек горла. «Поесть спокойно не дадут!» – чертыхнулся, откашлявшись, партийный лидер. «Нет тебе покоя, золотой ты наш – согласно закивал владелец Агрохолдинга, который оплачивал ресторанные и иные счета верхушки партии, гарантирующей ему политическое прикрытие. – Люди не понимают, что беречь генсека надо, а не дергать по пустякам».

– Слушаю, – прорычал в смартфон полноватый ГлавБольшевик с широким лицом и криво висящим галстуком.

– Извините за беспокойство, надеюсь не отрываю от чего сверхважного, – начал с извинений хитрый помощник, прекрасно осведомленный относительно пристрастия босса к спокойному приему пищи в приятной компании, – тут информация появилась пикантная, не знаю, как и доложить.

– Не юли, без хвостизма давай, рассказывай.

– Тема не для телефона. Я тут в гардеробной, вы бы вышли на секундочку.

Товарищ Дю, так его называли за глаза – ему прозвище нравилось, шагал, раздвинув ноги, будто нечто крупное в промежности требовало дополнительного пространства. Вид его отличался деловитостью, чело слегка омрачали переживания за тернистый путь России и несправедливый мировой порядок. Некоторые из посетителей – в основном бизнесмены из расположенного напротив Центра мировой торговли, что на Пресне – здоровались, получая в ответ снисходительный кивок.

– Не в курсе, что у меня важная встреча? – начал с наезда.

– Прошу прощения, но в Москве объявился Ленин. Вполне вероятно, настоящий, а не ряженный.

– В своем уме? Вождь скончался в 1924 году, специальный институт до сих пор поддерживает его мумию в презентабельном состоянии. Мы – лидер перенял царскую привычку говорить о себе во множественном числе – на днях детишек в пионеры принимаем рядом с Мавзолеем, потом цветы возложим.

– Верный человек из главного управления госбезопасности шепнул, мол, на Красной площади задержан полицией Владимир Ульянов, мандат от Бонч-Бруевича при себе только и имел. Отпечатки пальчиков его совпали с дореволюционными, что выяснилось, когда его из ОВД уже

выпустили. Сейчас спецуру поднимают на ноги, но по-умному, без рассылки ориентировок и прочего шума. Что нам-то делать?

Генсек задумался. Ситуация темная, развиваться может непредсказуемо. Возможно, глупая ошибка, возможно, провокация ГБ, короче, разные варианты возможны. А решение требуется единственное, его личное. Тут деятели науки, литературы и сельского хозяйства не способны дать дельную подсказку, тут политика – материя тонкая, данная лишь ему единственному в ощущениях.

– Отбери из числа отставных оперработников двух-трёх самых надежных и толковых. Например, ту парочку, что отличилась при вскрытии антипартийной группы в прошлом году. Ребята они непростые, с революционных гонором, за ленинизм готовы глотки грызть, и тут без них не обойтись. Наш отдел охраны не привлекай, думаю, он засорен агентурой спецслужб отечественных и иностранных. Пусть «дзержинцы» скрытно разнюхают, чем данная история пахнет, а ты их подпитывай новостями из твоего источника. И никаких электронных средств связи! Боюсь, говно может всплыть пахучее – им нас и постараются закидать. Иди, работай, чего встал, как баран!

Глава 4

Скорость

Шифровка из Лэнгли пришла ночью, пусть и белой.

«Договоритесь о продолжении контакта с источником, предложите скромную сумму подъемных, проведите дактилоскопию, получите биоматериал для анализа ДНК, сделайте видео и фото. Ожидайте дальнейших распоряжений.»

Не слишком возбудился, поскольку мормон уже частично сориентировал. Хороший шпион чутьем угадывает, что за клиент попался, сразу просчитывает оперходы, по крайней мере, очевидные. И в личном плане – жена в отъезде и к сексу давно охладела – счел полезным еще в кабаке выяснить адрес Лидии. В римско-греческой терминологии: «губы у неё пухлые, на *феллацио* бы раскрутить *гетеру*». Договорился и с Керенским об условия экстренной связи в городских условиях. Секс-притязания сына пресек и провел скрытую выброску источника и его бабы на маршруте от «Русского китча». Теперь штаб-квартира ЦРУ проявила интерес, повысив потенциальную ценность контакта. Не верилось, что довелось сидеть за столом с вождем Февральской революции: реинкарнация, если и возможна, то только для буддийских монахов. Тогда что? Хитрая игра госбезопасности РФ? Подставу не делают, посылая двойников бродить по городу в надежде, что их подберет машина консула США. Отпустил морпеха, принесшего депешу, и заснул – здоровье дороже русских заморочек.

Чуть позже проснулся от стояка Майкл и мастурбировал. Глаз не открывал, чтобы не пропало видение интимных прелестей случайно встреченной сексапилки. Как и полагается гражданину США, шептал: *«Fuck! God! Shit!»* Часто-часто, горячо-горячо. Ну, с первым словом понятно, но почему американцы во время секса, пусть и фантазийно-рукоблудного, поминуют Бога и дерьмо? Не иначе поголовно мечтают даже Всевышнего трахнуть в анал. Так или иначе, парень удовлетворил сам себя и вновь рухнул в мир снов, в основном приятных. Половая активность вызывает приток эндорфина – гормона счастья. Не ведал того Онан, совершая библейский грех, а ныне любой подросток знает, как снять напряжение в причинном месте.

Реальное совокупление имело место далеко от консульства, в жилище без дипстатуса. Александр Федорович наслаждался физическими достоинствами и профессиональными навыками Лиды. Она делала всё, что ему хотелось и даже больше. И он старался соответствовать требованиям новой эпохи, но категорически отказался исполнить *кунилингус* – порядочный господин не должен лизать женское лоно. Премьер-министр – не французский парикмахер из грязных книжонок, популярных среди фрейлин свиты Алексис Романовой. «Вот, наверное, чем Распутин брал сих порочных дам, – смекнул Керенский, – а слухи о громадном половом члене служили прикрытием извращений!» Не смог уснуть в «гнезде разврата», каковым счел круглую розовую кровать («на ней сподручнее и сексуальнее, дорогой») и вышел из спальни. Квартирка невелика: еще одна комнатка с детской кроваткой («не волнуйся, сынишка у моей мамы») и крохотная «гостиная» с диваном, столиком, книжной полкой и широкой стеклянной панелью на стене. Александр знал свой недостаток – неумение расслабляться. Ни покурить, ни выпить для торможение активности мозга. Даже соитие лишь на минуты остановило поток размышлений: как, почему, что дальше и прочая, и прочая.

– Вот ты где, зайка, – почему-то сравнила с животным Лида, запахивая халат на безупречной груди, – не спится? Захотел посмотреть «ящик»? На, пощелкай, – протянула черный продолговатый предмет, чье предназначение осталось загадкой для гостя.

– Ммм, – последовало в ответ.

Девушка сама включила телевизор, и челюсти здорового аллигатора щелкнули в метрах от отпрянувшего гостя из прошлого. Тот побелел, почти слившись с белой простыней, в которую завернулся по причине отправки хозяйкой его исподнего в «стиралку» – белый ящик, что жужжал и вращал внутренностями на кухне. Осторожной рукой взял пульт и стал нажимать кнопки: «Лида, иди, ложись, я посижу еще». Через три часа переполненный обрывками телеконтента выключил «ящик». Голова напоминала палату Четвертой государственной думы Российской империи, переполненную словоблудием, амбициями, бестолковостью и нетерпимостью. «Куда я попал? Какое жуткое время?» Взгляд блуждал по стенам, пытаюсь, вновь не наткнуться на черное стекло ТВ, пока не остановился на корешках книг. Подошел к полке: «Бешенный спецназ», «Убийство в день ангела», «Мент в законе» и множество, очевидно, женских романов. Среди цветастой макулатуры заметил потрепанный учебник «История России».

Открыл и встретил утро ошеломленный. Поспешная систематизация знаний давала почву для раздумий о многом, в том числе о смысле бытия. У него в жизни была единственная цель – Борьба. С кем, с чем – детали. Основное – сам процесс ниспровержения врагов, возвышения себя любимого. После университета выпускник юрфака вступил в адвокатскую профессию, но почти сразу переключился на более громкое занятие – политику. По первости участвовал в сборе материалов о расстреле рабочих на Ленских приисках, но быстро смекнул, что провинция (ТВ-то еще не изобрели) далеко, что бесперспективно месить грязь в глубинке. Петербург – арена, где хороший актер купается в ярком свете, а публика кричит «браво». И бросился участвовать в комиссиях, комитетах, партиях. Результат не заставил себя ждать: не исполнилось и сорока лет, когда в России, отрешившись от царя Николая II, Керенский стал сперва министром, потом главой кабинета, а потом и единоличным правителем. Ненадолго, но стал. Законы жанра и теперь диктовали безальтернативный путь: только вверх. Вернее, как у Чехова: «В Москву, в Москву».

Датский журналист заехал в Град Петра на недельку через Хельсинки. Статейка не вытанцовывалась, так репортажик наклеивался слабенький про горести тупых россиян, не желающих пока свергать президента, что начхал на советы из вашингтонского «обкома» и стал гнуть независимую линию. Мол, выбор сыров сократился, новенькие иномарки хуже раскупаются, курсы евро и доллара к рублю зашкаливают. Вообще-то Нильса обкатывали для длительной командировки в Москве, для работы главным образом на американского Большого брата, поскольку СМИ в Дании давно скончались, как и во всех странах, что подключились к интернету. А пока на халяву стажировался в познании загадочной русской души фактически, познакомился с местным юношей сходной ориентации. «Самый эротичный на танцполе. Сегодня сольемся в экстазе». Планшетник зачирикал – сообщение. «Срочно возьми интервью у видного мормона, – приказывала «редакция». – Встреча в американском консульстве». Ерунда? Или легенда? Без разницы, коли зовет *His Master Voice*. Бриться не стал – кто сейчас бреется – разборчиво выбрал чистую футболку, надумав, отложил шорты в сторонку и надел брюки. Тачка грязненькая, капли ночного дождя высохли и покрылись пылью: «И чего улицы не пылесосят, как в Копенгагене? Ладно, сойдет, не к королеве еду».

Консул провел аудиенцию без мормона и без затей.

– Твоя задача: найдешь чувака, скажешь пароль «дорадо» и...

– Почему «дорадо»?

– Вчера он рыбу на ланч заказывал. И привезешь сюда в багажнике. Заедешь в гараж, там тебя встретят. Ясно? Вот фото, смотри не перепутай, «пулитцер» хренов, – консул помянул всуе родоначальника желтой прессы.

– Сделаю в лучшем виде, – восторженно начался шпион.

Не АНБ, конечно, бюджет не тот, но перехват электронных сигналов неплохо поставлен на родине изобретателя радио Попова. Избирательный, адресный, а не поголовно-массовый, как в США. Говорят, американцы не записывают и не просеивают телетрафик лишь на некоторых островах Океании. У российских коллег охват поуже, но диппредставительства заокеанских «партнеров» охвачены. Делегация из штаб-квартиры ЦРУ пришла с невысоким уровнем кодирования – неважный субъект начального уровня значимости. С математиками на родине Лобачевского и вовсе отлично: вон Перельман решил т. н. «проблему Пуанкаре» и даже премию международную не инкассировал. Это к тому, что содержание шифровки стало известно ГБ, где трудятся довольно компетентные сотрудники, а уж желающих покрасоваться перед руководством полным полно.

Когда донесение об интересе Лэнгли к Керенскому в Питере попало на стол Директора Службы, тот и без подсказок аналитиков усмотрел связь с сигналом о появлении Ленина в Москве. Помолчал, почесал бровь и вел вскрыть подлый заговор США, то бишь мирового борца за демократию и права человека, чьими усилиями уже в текущем тысячелетии угроблен не один миллион человеческим жизнью. Причем некоторых – даже внутри границ страны, обладающей национальным суверенитетом, то бишь в РФ. «Нельзя допустить экспорта цветных революций в наше правовое государство, – для убедительности процитировал Президента. – Народ нам не простит». Нижестоящие начальники взяли под козырек. Условно говоря, ибо кто же поперется к шефу ГБ в фуражке. Лишь бывший московский мэр позволял себе являться, нахлобучив кепку – кожаную, излюбленную. Тот шапку ломал лишь перед Президентом и то неубедительно: не верил, что Россия встала с колен. От того и приземлился на задницу в конце концов.

– Не поеду в багажнике! Мальчишка! Как смеете предлагать подобное унижение премьер-министру Российской империи! – громогласно, с паузами, четко артикулируя, вещал на весь подъезд Александр.

– Консул заботится о вашей безопасности, оберегает от врагов. У него к вам интересное предложение от государственных структур США, – изощрылся датчанин, попавший между вашингтонским молотом и питерской наковальней.

– Сашенька, послушай его, – за ночь и утро Лидия просчитала варианты своих действий. – Помнишь, полицейские нас пасли? Съезди, посмотри, что американцы предлагают. Если денег не дают, то забей: мы вдвоем прилично заколачиваем и без них. Вчера сняли почти штуку баксов.

– Пожалуй, коли настаиваешь, лапушка. Где экипаж, посланник дьявола?

– Во дворе, – обрадовался Нильс, – езды минут семь, не успеете соскучиться по белому свету.

– Зая, захвати плед, чтобы мягче было, – рекомендовала женщина.

Резидент морщился, как от геморроя: с поручением Лэнгли столько хлопот. Опять же вербуемый упирался рогами. Петербургская «точка» ЦРУ специализировалась на разработке инженеров с оборонных предприятий, ученых из НИИ военной направленности, офицеров флота. Вербовка обычно проводилась во время выезда последних за рубеж, где у ГБ руки коротки, а спецслужб НАТО – длинны. Теперь же требовалось в одночасье вербануть толи психа с раздвоением личности, толи клоуна с манией величия.

– Врач просто проверит ваше здоровьем, – уверял консул, когда Керенский заартачился и не захотел, чтобы образец слюны из полости рта достали палочкой с ватным шариком для анализа ДНК.

– А пальцы зачем совать в прибор? – продолжал артачиться экс-глава Директории.

– Прибор снимает отпечатки для паспорта – у вас же его нет. Мы еще и фото сделаем, чтобы изготовить американский. Помните, после октябрьского переворота жили без документов в Англии, Германии и Франции, пока вас не приютило правительство США, – опытный оперативник использовал правду прошлого/ ложь настоящего.

– Ежели так, – пошел на попятную непаспортизованный Керенский.

– Потребуется также подписать некоторые бумаги – чистая формальность, – почувствовав слабину лески, цэрэушник поспешил подтянуть клюнувшую «рыбу» и достал подписку о сотрудничестве. – Видите ли, Александр Федорович, *U.S. passport* придется отработать.

– В документе мои обязательства прописаны туманно, – засомневался вербуемый. – Что означает «всесторонне содействовать внешней политике США»?

– Позже определится, при вашем самом непосредственном участии. Ничего опасного или преступного, Боже упаси. Не так ли? – резидент обернулся к мормону, со стороны наблюдавшего за процессом без особого интереса – методы шпионов и сектантов не слишком отличаются.

– *Yes, sure*, – кивнул тот седой головой и скрестил пальцы за спиной.

Потом принесли кофе, и Керенский внутренне вновь удивился современным нравам: хозяева предпочли напиток без кофеина. «Зачем его тогда вообще пить? А кофе волшебный, в мое время (и сам себя поправил: «тогда») столь вкусного и в помине не завозили».

– Господа, у меня есть условие. Оно обязательно и не обсуждается.

– Какое?

– Я еду в Москву. Коль правительство нынче там обретается, мое место в Златоглавой. Так и сообщите Белому дому.

Из ответной шифровки петербургской резидентуры в штаб-квартиру ЦРУ.

«Предписанные мероприятия осуществлены. Источник инициативно высказал желание выехать в Москву для политической деятельности.»

Просим согласия.»

Об отобранной расписке шпион пока не сообщил: если агент-новичок начнет эффективно работать в Москве, то лавры достанутся тамошней резидентуре ЦРУ. Тут-то следует вбросить козырь в виде подписанного согласия Керенского, и часть славы прольется лично на питерского консула. А пока бумага пусть отлежится в личном сейфе – её никто не видел, кроме Майкла. Отец не удержался и показал документ сыну. Если козырь ЦРУ не потребуется, то со временем может стоить больших денег.

Ответ из Лэнгли не задержался.

«Выезд санкционируем. Сообщите источнику условия связи с московской «точкой».

«Уф», – с облегчением произнес утром консул, избавившись от чудака во френче. Его подсевший на русский язык и историю отпрыск мог бы ввернуть: «Мужик с воза, кобыле легче». Но парня не посвящали в оперативные тайны. Зато о выезде в Первопрестольную узнала Лида, которую Александр огорчил новостью. «Возьми меня с собой», – предложила/взмолила женщина. «Рано, сперва огляжусь в Москве, потом вызову», – пообещал/соврал мужчина. Госбезопасность опаздывала на несколько часов из-за трудностей декодирования, но они преодолимы – ГБ окажется в курсе. Незамедлительно доклад службы поступит к № 1, тот ногами топтать не станет и кулаком по столу не стукнет, а поднимет на директора Службы серые глаза и тихо, по слогам выговорит незамысловатый приказ: «Разберитесь – срок неделя. Найдите обоих «вождей». Ответа ждать не станет: «Можете идти». И вновь опустит очи к долу, сплетет пальцы рук на столешнице, достанет из-под нее термос и нальет себе уже поостывшего

чаю. Гора красных папок долго останется нетронутой, Президенту нужно крепко подумать. Через открытые окна в Ново-Огарево не придет тишина из поредевших сосен вокруг, а напротив – выльется из кабинета Главной Резиденции в лес. Деликатнее станут щебетать птицы, осторожнее бегать белки, только служба по-прежнему будет чинить, охранять, убирать, мыть машины и ездить на них. Ей фиолетово: госпроблемы не колышут. Кесарю кесарево, а слесарю слесарево.

Глава 5

Пробуждение

Хорошо помнил утреннее пробуждение в малолетстве: не открываешь, а прищуришь глаза, и мир в них начинает просачиваться, а не влезает грубо и зримо. В доме возня детей (из родившихся восьми выжило шесть), мать зовет завтракать, грузные шаги собирающегося на службу отца – инспектора народных училищ Симбирской губернии. Если долго валяешься, пристанет Александр – старший брат, просунет хваталы под одеяло и начнет щекотать.

– У тебя похавать нема? – хрипчатый голос слева вернул в настоящее.

Веки встрепенулись и поднялись, преодолев сопротивление склеившихся ресниц. На койке рядом возлежал оплывший от жира южанин в трениках и «алкоголичке», взгляд его явно вопрошал, но о чем?

– В смысле пожрать? – автор переформулировал вопрос, видя недоумение соседа.

– Нет, гражданин хороший, сегодня паек еще не выдавали, – автоматически ответил Ильич, и его слюноотделение активизировалось при упоминании еды.

– Скоро завтрак принесут, – успокоил тощий и очкастый сосед справа, – на четверых и, кивнув, на пустую кровать у двери, добавил, – Колька ночью ласты склеил, а кухня-то еще не в курсе. Хотя лично у меня аппетит вообще отсутствует.

– Отходняк, вот и крутит, – человек-холм заявил авторитетно и переключился на Ульянова. – Тебе как кличут, уважаемый?

– Владимир Ильич или Ленин, как предпочитают называть партийцы.

– Ну да, ну да, – тучный диагностировал психоз. – А меня зовут Мао Цзэдун. Я тут затихорился от следаков, чтобы обвинение не предъявили и не арестовали. Типа, мошенничество в особо крупном размере шьют, а моя фирмешка просто не смогла Сберу вернуть кредит, правда, серьезный. Банкиры обнаглели: сразу коллекторов подослали, заяву в прокуратуру накатали. Житья от них нет.

– Вы правы, гражданин хороший! Засилье финансового капитала – важнейшая черта империалистической стадии капитализма, – политэконом Ульянов сел на любимого конька. – Архиважно покончить с этой бандой, национализировать банковскую систему, передать в руки трудящихся.

– Во-во, – оживился оголодавший мошенник, – я попытался, а меня хотят на нары отправить!

– Тише! Кажись, харчовку везут, – владелец отсутствующего аппетита уловил звук колес кухонной тележки или запах столовских разносолов.

«На службу как на праздник» – дознаватель двигал по Маросейке в такт музыке, звучащей в наушниках. «Рюмка водки на столе», – беззвучно подпевал и на душе росло предчувствие, что вечером холодная жидкость смочит горло, устремившись в глубины организма. Веком ранее тот старичок, которого вчера отпустил по доброте, сформулировал гениальное предчувствие: «Вчера рано, завтра поздно, сегодня». Уже с утра в кабинет должны были занести. Раньше заносили мебель или книгу, там бутылку кефира или чего покрепче, но в третьем тысячелетии чиновник ждал заноса единственной вещи – бабла. За то, что делал или не делал, за то, что случится или не случится. Порой за голубые глаза, то есть за «позитивное отношение» лично к заносящему. Ожидание прекрасного прекрасно само по себе, а что может быть прекраснее денег, особенно, если пачка пухлая а ля аккуратный кирпичик. А не грубый и расхристанный, как картонная папка с уголовным делом, которое толи будет нынче возбуждено,

толи нет. «Зависит от того, состоится ли занос», – рассудил борец с преступностью и вновь перешел на подпевку. – «Слов и чисел простота у небесного моста».

– Сюда смотри, – рука резко дернула за плечо. – Хорош балдеть. Мы с Лубянки.

Дознаватель даже забыл спросить удостоверение у остановивших его двух серьезных мужчин среднего возраста и средней наружности. «Пипец! Прознали, суки, про взятку! – сперва охватила паника, потом отступила, уступив место надежде. – Тогда почему не повязали при получении, прямо в кабинете?»

– Что вы хотите?

– Ильича вчера опрашивал?

– Да, – напряжение резко спало, мышцы ануса вышли из тонуса.

– Подробно изложи, без купюр и отсебятины, – манера речи и поведение не оставляли сомнений в профессионализме, а скрытая угроза рассеяла даже их тень. – Или пройдем к тебе в ОВД для официальной беседы?

– Особо нечего рассказать, – начал повествование, затянувшееся лишь до Ильинки.

В полицейских коридорах много чего происходит: слезы, встречи, переговоры шепотком. В то утро мента встретил крик начальника отдела: «Ко мне, бегом». В кабинете сидели двое мужчин среднего возраста, средней наружности, очевидно, из органов. «Ой, и ни фиги себе, – лишь успел подумать службист, – эти откуда нарисовались? А те тогда были кто?»

– Мы изымаем документы по вчерашнему двойнику.

– Там только протокол задержания и копия пропуска в Кремль за 1918 год.

– Тогда подробно изложите устно, точно и полно.

– Особо нечего рассказывать, – второй раз повествование вышло редакционно-крепче и текстуально-короче. Суть не изменилась: субъект называл и ощущал себя Лениным, вел соответственно, явных психических отклонений не замечено.

Придя в свой кабинет и в себя, дознаватель достал мобильник и набрал номер подследственного: «Ты сегодня не приходи, запарка у меня. Завтра приходи». Сделав звонок, облегченно вздохнул: переквалификация умышленных тяжких телесных в неумышленные средней тяжести – процесс тонкий, не для столь суматошного дня, как нынче.

После завтрака палата затихла, но вскоре жиромяс слез с койки.

– Подержи, – вручил Владимиру планшетник, – чтоб не сперли, пока в сортир схожу.

– Кто ж покусится? – удивился честный пришелец, до революции успевший пожить в странах, где воруют редко: Швейцария, Дания, Швеция – всего 12.

– Так тощий и подрежет. Нарикам верить нельзя.

Тонкий и плоский металлическо-стеклянный предмет светился цветной заставкой с изображением огромных женских грудей. При прикосновении Ильича компьютер открыл последний сайт. Такого количества голых девок с членами в любых местах не видывали в совокупности все члены Совнаркома вместе взятые. Владимир ахнул, и палец ткнул в наименее непристойную картинку.

– Это что такое, товарищ? – обратился к соседу.

– Порнография, папаша, самое популярное искусство эпохи.

– Безобразие форменное! К искусству относятся лишь лучшие образцы эротики!

– Хуже, лучше, а *типл хавает*. Популярный контент в И-нете. Не нравится, так смотри иное.

– Не знаю как.

– Говно вопрос. Учись.

Облегчившись, недобросовестный заемщик застал пожилого дядьку прилипшим к планшетнику. Попытка отобрать встретила яростное сопротивление.

– Так и быть. Но интернет-трафик денег стоит, башляй тогда.

– Да-да, возьмите в кармане моей жилетки, – не отрывая носа от дисплея, пробормотал новообращенный раб сети. – Скажите, любезный, дата в уголке правильная?

– Правильнее не бывает.

– И год?

– И год, и время. Пойду, курну, пожалуй, на улицу.

Слоны бегают быстро – до 48 км/час. «Слон» им не конкурент, но с трусцы перешел на спринтерский темп, дабы куратор через витрину кафе узрел усердие. «*Латте макиато*», – бросил официантке, обессилено рухнув в кресло.

– Не хер расслаживаться, – последовало возражение от ожидавшего офицера ГБ. – Ноги в руки и пошел выяснять всё, что сможешь, про некоего двойника Ильича, который вчера с вами в обезьяннике сидел.

Окрик не произвел ни малейшего эффекта, что напрягло оперработника.

– Бабки за прошлый месяц где? – эффектно выдержав паузу, процедил сквозь зубы нацик. – Я три «шкурки» написал.

– Фуфло – твои агентурные сообщения, конкретики ноль, – ответил собеседник и чуть смягчился. – Деньги у меня с собой. Есть что интересное?

– Лысого с рыжей бородой видел, хотя тот держался особняком. Видимо, с бодуна башка у него ходуном ходила, руками шупал постоянно. Выпустили его раньше нас.

– Это и сам знаю – уже подняли записи с видеокамер в ОВД, беседовали с дознавателем. Что еще знаешь?

– Потом чел вышел на улицу, и с ним балакал один из наших.

– ФИО.

– Я не понял: тебе «ленин» нужен или кто?

– «Ленин». Найти его надо.

– Это можно, за дополнительную плату, ясный перец.

– Сколько?

– Тыщ 20, – прикинул «Слон» и тут же понял, что продешевил, ибо опер сразу полез за бумажником, – или 30.

– Разогнался, держи двадцатку. Выкладывай.

– Лысый одолжил трубу у нашего и куда-то звонил. Типа, в больничку.

– Название помнишь или имена какие?

– Не, но номер-то в памяти мобильника должен остаться.

– Вытаскивай дружбана на встречу и по-любому выясни номер. Иначе возьмем тебя плюс его на цугундер и по полной отымеем. Ясно?

Агент не понятия не имел, что цугундер изначально вошел в русский как название гаупт-вахты на военных кораблях, но полагал, что ГБ подобными заимствованиями впустую не бросается.

– Легко, только ему надо будет проставиться. А выпивка денег стоит...

– Сделаешь сегодня, будешь в шоколаде – заплачу за месяц по двойному тарифу.

– Уже набираю, – застучал по кнопкам «Слон» со скоростью, недоступной тазкам с хоботами и хвостами. – Алле, Викинг брат Одина, сижу в одиночестве, а пива тут море. Где «тут»? Запоминай адрес. Сейчас подъедешь? Лады.

Самые вьедливые в здравоохранении – работники, точнее, работницы административно-финансового отдела. Сотая городская больница, на бумаге превратившись в многофункциональный медицинский центр, обрела эффективных менеджеров. Их функция проста: выжимать из врачей и больных максимум денег при минимуме затрат, а также готовить чудес-

ную отчетность для вышестоящих инстанций. Когда в отделении появилась представительница АФО, Мария сразу настроилась на неприятности. И они последовали.

– Здравсте. Как с использованием коечного фонда?

– Нормально.

– Ненормально! Пациент у вас неучтенный лежит, процедуры получает дорогостоящие, а страховки у него нет и даже паспорта. Серьезное нарушение, придется докладную составить.

– Порядочный человек, – Маша достала из сумочки деньги, ранее полученные в ГУМе от матери пролеченного наркомана и протянула стукачке.

– Только из уважением к вам замнем на сей раз, доктор. Но чтоб завтра и духу его тут не было.

– Смену закончу и выпишу.

– Не вздумайте, – предупредила сотрудница, – никаких бумажных следов. А то вдруг проверка. Даже на поступивших по «скорой» лиц без документов обязано медучреждение немедленно отправлять сообщение в полицию. Не было его тут, а, если спросят кого из пациентов или персонала, то ведь здесь наркологическое отделение – мало кому кто привиделся.

– Спасибо за подсказку, – поблагодарила Мария.

– Да что ж я не понимаю! – деньги перекечевали в бюстгальтер. – Мы же люди, должны друг дружке помогать.

Телефон Марии, доставшегося ей как выморочное имущество умершего в отделении наркомана, стал известен ГБ ровно через десять минут после того, как в нем сел аккумулятор, сделав невозможной триангуляцию местоположения по вышкам сотовой связи. Локализация звонков по номеру показала лишь, что тот в основном находился в районе больницы № 100 и в Жулебино. Опергруппы получили задание выдвинутся и прочесать. Но Владимир и Мария уже приехали к ней домой на метро, и пока были в безопасности.

– Товарищ Дю, есть свежие данные, – докладывал помощник. – Наши через нациков определили нужный мобильник, а через техуправление ментовки вычислили, где находится Ильич. Сейчас физически контролируют нужный адрес.

– Где?

– Жилой микрорайон, на окраине, обычная многоэтажка. Квартира принадлежит врачихе Сотой градской, она и привезла туда Ильича.

– А гэбисты?

– Идут по следу, пока не вышли на место жительства докторши. Но к утру у них появятся более точные данные, если вновь заработает её выключенный телефон. Будут указания?

– Владимира Ильича немедленно перебросить на нашу дачу в Жуковке, беречь как зеницу ока. Никаких допросов, сам с ним хочу побеседовать.

– А если он не согласится? – засомневался помощник.

– Пусть ребята вежливо и аргументировано уговорят. Станет кочевряжиться – не мне их учить, – приказ последовал туманный по форме, ясный по сути, как обычно у политиков, сторонящихся ответственности при решении скользких вопросов.

Незамысловатый ужин на тесной кухне, скованное молчание почти незнакомых мужчины и женщины. Экран ТВ – спаситель незадавшегося общения – уже не удивлял Ульянова, окунувшегося мутные воды интернета. Время отходить ко сну. И тут входная дверь открылась словно сама собой. Вошла пара мужчин, Марию отправили в ванну. Первый – Вальяжный – говорил, второй – Спортивный – молчал. В голову последнему лез парафраз из Маяковского: *«Трое в комнате. Мы и Ленин, некстати оживший, на белой тахте»*. Ульянов быстро отправился от первоначального шока, но окончательно поверил спасителям лишь, когда Вальяжный вызвал на экран смартфона фото обложки факсимильного издания 1938 «Истории ВКП(б)». На обещание дать почитать «твердую копию» Ульянов отреагировал, как кот на запах валерианы. «Конечно, поеду, товарищи». Выпущенная из заточения Маша молила о разрешении

последовать с Володей. «Проверяет нас, – прикинул Спортивный, – вдруг мы мужика везем в лес закапывать. Мол, если согласимся и её взять, то менее вероятно, что убийцы. Дуреха! Закопали бы и её».

– Мы бы с удовольствием, но не прямо сейчас, – успокоил. – Для вас есть крайне ответственное задание. Нашему общему другу угрожает опасность: его разыскивают враги. Предполагаем, завтра заявятся сюда с расспросами. Так вы, уж, постарайтесь их оставить с носом. Скажете, что да, видела похожего человека на Красной площади и только. А будут интересоваться, выходил ли он с вами на связь, отрицайте, мол мне столько бывших и будущих пациентов звонят – я же врач-реаниматор. Тот парень, с чьего мобильник прошел звонок от вашего друга, состоит на учете в психдиспансере. С ним всё ровно.

Глава 6

Холодильник

Утомленный обратной ездой в багажнике машины Александр сомневался насчет дальнейших действий. Так уже многократно случалось с ним после революции февраля. Когда начав с провозглашения широчайших демократических свобод, Временное правительство затем ввело смертную казнь на фронте и в тылу, когда демократия, свергнув царизм, потом выродилось в личную диктатуру Керенского. Потому, дав согласие «действовать под американским руководством», экс-премьер успел для себя трансформировать данный термин во «взаимодействовать в общих целях». Поскольку цели конкретно еще не определены, то оставалась лишь морковка под носом в виде обещанного паспорта и полученных жалких подъемных в 500 долларов. «Небось ланч обошелся дороже», – мстительно прикидывал, вспомнив ценник в «Китче».

– Сашенька, не переживай, – певучий голосок с кухни, – всё будет хорошо. Сейчас накормлю, настроение поднимется.

– Лидия, неужели правда, что даже билеты на поезд Николаевской железной дороги не купить без паспорта? В моё время...

– Без паспорта нельзя, его везде спрашивают. А зачем тебе Николаевская ж.д.? Ты же в Москву собирался?

– И сейчас собираюсь, но консул даже примерного срока выдачи паспорта не назвал.

– Так туда по Октябрьской ехать. С паспортом могу помочь, если возьмешь меня с собой.

– Ты о чем?

– Есть знакомый – Леша «Рефрижератор»...

– Бандит?

– Угу. Баксов за пятьсот аусвайс выправит лучше настоящего.

– Немецкий паспорт – не плохо. Мне Берлин нравится.

– Не чуди: российский документ. И мы, – уловив слабинку в настрое партнера, Лида пове-
рила в совместное будущее, – будем вольны, как птицы.

– Мы сможем полететь? – Керенский вспомнил увиденное по ТВ.

– На авиабилеты деньжата имеются, а в Москве еще заработаем, – заверила женщина, вдохновленная тем, что и мужчина стал использовать личное местоимение во множественном числе.

Европейский центр разведсообщества США располагался в главном американском фор-посте на континенте – в ФРГ. В глубине гигантской военной базы Рамштайн центр соседствовал с военным же госпиталем, где и провели экспресс-анализ ДНК. Он показал высокое совпадение с имевшимися в США остатками биоматериала Керенского, умершего в 1970 году. Подробное исследование завершится через недели, но зеленый свет для свежего участника операции «Единство» вот-вот загорится. Русский отдел ЦРУ давно пытался найти фигуру, способную объединить внесистемную оппозицию в России, чтобы руками агента влияния снести кремлевский режим. Если нет достойного кандидата из настоящего, почему бы не взять из прошлого. Аналогичный опыт неплохо себя зарекомендовал: в Болгарию вернули наследника беглого царя, Прибалтику возглавили американизировавшиеся дети и внуки довоенных эмигрантов, на Украину отправили даже бывшего грузинского президента. И ничего, что последний на родине объявлен в розыск. Так даже лучше – короче поводок.

Пять лет – время смелых дерзаний, опыта «взрослых» поступков и зарождения логики. От того мальчишка звучал в трубке смело и серьезно.

– Мам, послушай!

– Слушаю, Петюня.

– А шторм может корабль на берег выбросить?

– Может.

– По ТВ сказали, что будет шторм послезавтра. Пойду с бабушкой, посмотрю кораблекрушение. Я же никогда не видел. Пойдешь с нами?

– Не могу, работаю.

– Я соскучился. Скорое приедешь? Когда уже меня от бабушки заберешь?

– Скоро, Петя, скоро, – слезы потекли из враз потемневших голубых глаз, указательный палец зло ткнул кнопку «end».

«Сразу подурнела, как любая женщина, что завела детей и занимается ими, – наблюдал Керенский, сидя в такси рядом с обретенной подругой. – Моя-то жена мыкается в Котласе с двумя сыновьями, Голод, разруха, а помочь некогда и нечем. Чушь! О чем я? Прошло сто лет». Лидию одолевал иной аспект детской темы: подрастающему ребенку нужна мужская рука. С отцом корабля рассматривать полагается, не с мамочкой. Искоса бросила взгляд на Александра: с заморочками мужик, а интересный, американцы вокруг увиваются, не спугнуть бы разговорами о Петечке. Достала зеркальце, поправила тушь на ресницах. Прочь плаксивость, хвост держать пистолетом.

Три часа «бла-бла-бла» и ничего кроме новых раздоров и обид. «Каждый мнит себя стратегом, видя бой со стороны», – заметил бы Шота Руставели, окажись на заседании Координационного совета оппозиционеров. Только боя нет и в помине, о нем лишь мечтают: «надо привести народ к кремлевским стенам». Ладно, что вестись никто не желает, но и вести-то некому. Самоназначенные члены – сплошь руководители «партий» и даже «движений» с численностью дюжина-другая, а гонору на миллион-другой. Выдвигают себя, задвигают друг друга. Призывают к объединению вокруг себя любимого, обзывают конкурентов провокаторами и отщепенцами. Но собираются – надо же выпустить пар и выполнить инструкции из Вашингтона. Попиариться, засветиться на ТВ, увы, западном в основном. Гранты приходится обрабатывать, с трудом добывать материал для вываливания в интернет. И клеймить, клеймить, клеймить тех «подлых оппортунистов», что сумели избраться в парламент, стать министрами, а значит превратились в опору ненавистного режима. Главная мечта комитетчиков: пусть Кремль заметит и обогреет, приблизит и назначит. Увы, за зубчатыми стенами тихо, перед ними спокойно – туристы бродят, двойники Брежнева-Сталина-Ленина фоткаются, охрана бдит. Нет лидера, способного разбудить московское болото. Вот бы тот появился из российских весей, хоть бы и из Питера, как предыдущие два президента? Высокий, статный, умный, известный и речистый само собой.

Из доклада советника посольства США в Москве, сделанного на совещании в госдепартаменте США в Вашингтоне.

«Несмотря на постоянные усилия наших дипломатов и проводимую организационную работу через иные контакты, не удастся добиться существенного прогресса по плану «Единство»

Раздробленность внесистемной оппозиции не преодолена, дразги в Координационном совете не ослабевают, перспектива формирования жизнеспособного объединения не просматривается.

Считаем, что главная причина заключается в отсутствии сильного лидера, вокруг харизматической личности которого могла бы произойти кристаллизация ядра «Единства».

Возможно, стоит вновь проанализировать контингент противников кремлевского режима как в России, так и из числа россиян, проживающих в странах свободного мира.»

Погоняло «Рефрижератор» бандит получил не за имевшееся сходство с крупным холодильником – по высоте и кубатуре, а в силу прежней специализации – раскурочивания фур, имевших неосторожность следовать по дорогам Ленинградской области. Но то – дела давно минувших дней. Ныне офис японского дизайнера и костюм от *Brioni* свидетельствовали о переходе на более высокий уровень – организация наркоторговли, крышевание проституции, содержание подпольных казино. Старые привычки не исчезли, но затаились и выродились в хобби. Посему соизволил лично принять Николь и «клоуна» во френче.

– Лидок, – взгляд обшарил аппетитную фигуру, почти физически потрогав и пощупав в соответствующих местах, – чего не заходишь? Скучаю. Помню, как студенточкой пришла ко мне на работу устраиваться. Вступительный экзамен тогда сдала успешно.

– Леша, – посетительница поспешила прервать, пока повествование не окрасилось пикантными подробностями, – у нас просьба.

– Вот так всегда! Нет бы просто зайти по рюмашке хлопнуть. Что нужно?

– Ксива, в смысле паспорт для моего друга.

– Так представь человека, – «Рефрижератор» с первой секунды – привычка – незаметно сканировал гостя, на животном уровне считывал энергетику.

– Александр Федорович Керенский, – гордо отрекомендовался пришелец, и хозяин офиса не уловил ни капли наигранности или неуверенности.

– Что же, прямо на данное ФИО и сделать? – искренне удивился. – Не скромно. Глядишь, вопросы возникнут.

– Мне нечего скрывать от народа.

– От народа может и нечего, а менты и гэбисты не взбукнут? Хотя, с другой стороны, – Алексей открыл в компьютере краденную базу МВД, полистал списки и закончил, – имярек под судом не был, в розыске не находится (тут Алексей поторопился с выводом). Прокатит.

– Поможешь? – окрыленная надеждой девушка подалась в кресле вперед.

– Мне-то какой навар?

– Саша хорошо знает американского консула в Петербурге, мы вчера обедали с ним в «Китче», – заторопилась вбросить козырь просительница.

– Консула?

– Да, – вступил Керенский. – Мне обещан американский паспорт, но это займет некоторое время.

– Ага, – протянул «Рефрижератор», мечтающий съездить «за речку» или даже переселиться туда, но опасющийся – обоснованно – отказа в визе. – Познакомишь?

– Почту за честь, – благосклонно кивнул бывший премьер, уловив запах удачи, – только нам сейчас нужно в Москву, а без документа...

– ОК, потом сочтемся. Лады, дам наколку – сделают дешево – по себестоимости.

– Спасибо огромное, – женские руки потащили Керенского прочь из японской интерьера. «Рефрижератор» пристально смотрел вслед, а когда дверь за ними захлопнулась, нажал кнопку вызова руководителя личной охраны.

– Ты, это, приделай им ноги. Где живут и прочее. У Николь, кажись, дитё есть – узнай кто, где. Проверь финансы – за «крышу» не должна ли.

– Сделаем, шеф, – заверил экс-сотрудник уголовного розыска.

Френч заменили на пиджак из реквизита мастерской по изготовлению фальшивых документов. Фото вышло вполне, не слишком убогое, не слишком броское. Машинка заламинировала первую страницу, и умелец протянул готовое изделие.

– Осталось подписать, слегка состарить и порядок.
– Почему год рождения поставили 1970? – поинтересовался придиричивый клиент, ставя подпись – филигранную, с завитушками.

– Вам же на вид лет сорок пять.

– Ровно сорок!

– Извините, не хотел обидеть, – вежливо отъехал печатник. – В тот год праздновали 100-летие Ленина и многих называли Володя в его честь или Саша в честь его старшего брата, казненного царизмом. Тогда же дал дуба ваш прообраз – настоящий глава Временного правительства. В Нью-Йорке, если память не ошибает.

Керенский открыл рот, но Маша поспешно чмокнула в щеку, блокируя возмущение.

– Давай, буду вмешиваться, допустим, трогать за плечо, когда что-то не так у тебя станет выходить. Этим ребятам лучше не задавать лишних вопросов.

– Изволь, – лидер Директории не привык, чтобы им помыкали, но времена изменились: сначала гей, потом Николь, пьяный финн у Исаакия, мормон с консулом, а теперь «Рефрижератор» и Ко. – Надеюсь, вскорости научусь сам справляться.

«Э, нет! Тут спешить не надо, не надо тут спешить», – Лидия мысленно согласилась с персонажем «Кавказской пленницы». Мужики такие предсказуемые, такие управляемые. Надо лишь найти одного, которого способна предсказывать и которым способна управлять. Некто подходящий смотрел сейчас на нее, и она уже угадала, что тот сейчас произнесет: «Пора покупать билеты в Москву». Неужели и, правда, никогда не летал на самолете? Вдруг действительно явился из 1918 года? Ей хотелось, чтобы он не был с тараканами в башке, но и не хотелось иметь дело с экспонатом из далекого прошлого. Капризны женщины: в целом экземпляр подходит, но его нужно еще дорабатывать до кондиции. Там поправить, здесь убрать. И – чуть не забыла! – требуется добавить денег. После посещения авиакассы их останется кот наплакал. И – чуть не забыла! – следует купить ему одежду: френч, бриджи и сапоги пригодятся для чёса в Москве, а лететь в них нельзя – больно приметный имидж у Сашеньки.

Развод смены ППС – ритуал, скучный и привычный: «Обратите внимание то, не забудьте про сё, а также делайте так, а не иначе». Лишь когда майор рекомендовал присмотреться к мошенникам, действующим под видом исторических личностей, типа, Керенского, и задерживать негодяев, двое ментов переглянулись. За порогом отдела закурили.

– Есть думки по поводу «керенского»? – начал один.

– Командир зря баян заводить не станет. Убийц-то не слишком рьяно ищем, а тут мошенника подавай, – поддал сарказму второй.

– Видать, «керенский» крепко насолил конкретным людям. Они заказ и сделали на него. Может, шепнем, что видели фраера с путаной? Глядишь, начальство перестанет волком смотреть. Ведь на нас заяву начирикал тот обдолбанный терпила, у которого мы лопатник подрезали.

– Без мазы: майор инфу присвоит, а нам хрен на лопате. Надо сперва жалом поводить. Говоришь, под «Рефрижератором» девка ходит? С него и начнем.

– Чего-то я очкую: мы с него начнем, а он с нами покончит. Где мы и где «воротила теневого бизнеса»? Лучше слить информацию «Рефрижератору», а опосля начальству – попробуем с двух сисек отсосать.

– Умка! Гений сыска! Эйнштейн районного масштаба!

«Эйрбас» уже совершил посадку в Шереметьево, а летний день тянулся и тянулся, словно автобус до столицы. Количество машин поражало, пробки зашкаливали, но Александр Федорович умел абстрагироваться даже от подобных обстоятельств. Автостадо – ерунда по сравнению с первым полетом, но и его восторг позади. Подобно Радищеву, использовал «Путе-

шествие из Петербурга в Москву» для изучения жизни в стране. Умница и педант сумел за часы составить представление о политическом устройстве, опираясь на пусть некорректные по формулировкам, но живые и емкие ответы Лидии на интересующие его вопросы. Собственно, они сводились к традиционным для России: «Кто виноват?» и «Что делать?». С первым просто: «Дума, правительство, президент». Следующий проблематичен, поскольку многие знают «что», почти никто не знает «как». Керенский всегда верил, что именно ему ведома сия тайна. И сейчас, как и век назад, не сомневался: России не хватает его уверенности и знаний. Жизненный путь вновь казался очевидным в своей прямоте, прямым в своей очевидности. Оставалось найти способы реализации, а Лида здесь не помощник. Но ведь американцы обещали содействие. Видный член петербургской ложи масонов знал цену закулисным интригам могущественных союзников. Недаром у консула масонский перстень, а на североамериканских долларах над пирамидкой глаз и надпись *Annuit Coeptis* («Наши начинания благословенны»). Поведай Сашенька сокровенные мысли женщине рядом, та быстренько сосчитав латинские буквы – верила в нумерологию – обрадовала бы: «Их тринадцать, а сегодня 13-е число. К удаче!»

Рефрижераторы создали, чтобы поддерживать сохранность продуктов питания и даже трупов. Подобным функционалом «Рефрижератор» обладал частично: первые поедал, вторых производил. Холодильнику нужно электричество, руководителю ОПГ нужны полезные контакты. С нынешним собутыльником познакомился по необходимости, находясь под следствием. Когда за взаимоприемлемое подношение тот счел целесообразным прекратить следствие, то сразу проявилась его полезность. Поэтому упитанный обладатель погон с тремя крупными звездами угощался за счет криминального авторитета без зазрения совести: односолодовый виски для разгона, карпаччо из лосося, суп с раковыми шейками под водку «Белуга», осетрина по-монастырски с тем же напитком, зеленый чай и упомянутый вискарь как дайджестив. «Икорки принеси, черной», – гаркнул официантке, запоздало возжелав «десерта».

– Значитца, и тебе, Леша, на что-то сдался «керенский»? – цвиркая зубом, резюмировал раб желудка.

– Только в качестве свежего элемента оперативной обстановки в городе, господин полковник, – при случае бандит пускал в ход четкие военные формулировки из своего армейского прошлого.

– ГБ им интересуется, ты интересуешься. Золотой, что ли? Или платиновый? Короче, тебе первому рассказываю – сечешь уровень моего доверия? Мои орлы возле Исаакия видели его с телкой, говорят, тебе знакомой – некая Николь из «простигосподи» клубного пошиба. Ищут его гэбисты втемную. Неофициально к нашему руководству обратились, мол, из Первопрестольной указилровка поступила. Вникаешь?

– А то! – «Рефрижератор» прикинул сумму, на которую тянет «уровень доверия», хотя частично информацию уже получил от патрульных. – Что еще?

– Ни-че-го-шень-ки! – по слогам выговорил любитель смешивать односолодовый виски с односолодовой же водярой.

– Дорогой, ты придержи информацию до завтра, пока гэбистам не докладывай. В накладе не останешься, обещаю.

– Вечером мне деньги, информация им утром, – не теряющий хватки собеседник криво усмехнулся.

– Информация им завтра после обеда, бабло тебе послезавтра утром, – протянул руку для прощания экс-потрошитель фур, выходящий на столичную, если не международную стезю.

– Что б у них жопа была в ракушках, – трехзвездный выразил отношение к ГБ и икнул.

Дав полицейскому чину дойти до служебной машины, «Рефрижератор» щелкнул пальцами, подзывая телохранителя: «Старшого набери, мухой». Выслушав новости от начальника охраны, бандит отдал приказ: «Пусть пацаны присмотрят за Лидкиной мамашей и сыном:

могут пригодиться. Позвони самой Лидке, вели ей выбросить трубку вместе с симкой и завести другую на чужое имя. Пусть тебе московский номерок и адрес скинет для связи. Строго объясни, скажи так нужно для безопасности её хахаля». Сам авторитетный бизнесмен или деловой авторитет не носил мобильник, чтобы «не отсвечивать в эфире». Поэтому его уже запланированное перемещение в Златоглавую останется для правоохранителей тайной, хотя и не ненадолго.

Глава 7

Рублевка

«Краткий курс истории ВКП(б)», – прочел Владимир и удивился, – надо же, автор – И.В. Сталин. Иосиф же двух толковых слов сам написать не способен. Вот пройдоха!» Дальнейшее чтение томика проходило в тишине, лишь изредка прерываемой эпитетами: «проститутка», «оппортунист», «иудушка», «лицемер», «эклектик», «меньшевистский прихвостень», «эсеровский попутчик». Огромный дом в Жуковке его почти не поразил после градостроительных перемен в Москве. Путь на дачу партии, то бишь Агрохолдинга промолчал, опасаясь беседовать с «наследниками Дзержинского», как те со смешком представились. Знал, впереди встречи с более ответственными товарищами. Неясно, как те примут, потому и не хотел своей разговорчивостью дать им в руки любые сведения. Пролистав «Курс», понял, что если сам мало информирован о настоящем будущем, то и они слабо представляют реальную картину его прошлого. Из книги несомненно: Ленин для них непререкаемый авторитет. Оставалось убедить всех, что перед ними предстал именно Владимир Ульянов. Как убедить, ведь прошло 100 (!) лет? Чувствовал, что могучее течение его подхватило. Куда вынесет? Неизвестно, только не хотелось бы назад в жулебинскую «однушку». Хватит ли сил выгрести к правильному берегу? В Октябре хватило, но тогда рядом стояли партийные соратники, а дома ждала – Крупская, страшенькая, но Надежда. Сейчас вокруг сплошь незнакомые люди. И родилось первое – мелкое и важное – решение.

– Товарищи, максимально скоро доставьте ко мне Марию. Здоровье шалит и вообще без нее неудобно, – скороговоркой попросил/приказал, внимательно наблюдая за реакцией «дзержинцев».

– Сделаем, Владимир Ильич, – ответили хором и дружно оговорились, – как только станет возможно вывезти ее из Москвы.

«Не отказали – добрый знак. Резервировали возможность отказа – ждут, что скажет их начальство. Что ж, пушки к бою!» Боевой настрой испарился, как только оказался в апартаментах. Сперва поразила ванная – горячей воды, сколько душе и телу угодно, еще шампуни, лосьоны, духи и прочие пахучие и текучие субстанции в пузырьках музейной красоты. Распаренный накинул махровый халат с вензелем АПК «Подмосковный» («надо бы выяснить, что аббревиатура означает – Аграрная партия коммунистов?»). Вернувшись в спальню, рухнул на обширную кровать с бельем белоснежным, как встречалось в лучших отелях Женевы и Мюнхена. Хотя останавливаться в подобных не позволяла скудная партийная касса, заходить доводилось. В кремлевской квартире подобной роскоши не было и помине. Рука нашла выключатель у изголовья, свет плавно померк, заиграла умиротворяющая классическая музыка. Уже опущенные веки встрепенулись: «Аппассионата!». Надо же угадали мое любимое произведение!».

Реальность проще: третья жена латифундиста, повинувшись сиюминутной моде, решила стать дизайнером интерьеров и активно руководила отделкой виллы на свой вкус. Апартаменты, доставшиеся Владимиру, окрестила «Бетховенскими» – отсюда и Соната для фортепиано № 23 фа минор. Через недельку муж прилетит к ней на Сардинию и перескажет комплементарную ленинскую оценку. На радостях она позволит ему некоторые извращения в мастер-бедрум, где звучит «Волшебная флейта» Моцарта. Те самые, в немалой степени благодаря которым и стала его супругой, те самые, что после замужества стала придерживать для особых случаев. Пока же платиновая блондинка с обводами корпуса, будто из журнала про фитнес, перевернулась на спину и опустила изголовье шезлонга. Так загар лучше ложится на нижнюю часть подбородка и груди, опять же на прессе не останется светлых полосок в складочках.

Шире раздвинула стройные ноги – пусть солнышко проникает и ТУДА. На собственной яхте приятно загорать нагишом под плеск волн.

Утро началось привычно: душ, сушка волос, завтрак, включение подзарядившегося мобильного, облачение в дневную одежду, малость косметики, сумку в руки и на выход. Печать легкой грусти усмотрели бы соседи на лице, встретив в лифте или подъезде. Но встретили Марию уже во дворе трое серьезных мужчин и вежливо-настойчиво усадили в «форд». Серый, без опознавательных знаков, не особо чистый снаружи и тесноватый внутри. Забрали ключи от квартиры и двое ненадолго туда зашли. Вышли отрицательно покачали головами и остались во дворе. Третий привез в неприметное здание без вывески и долго расспрашивал, выяснив в итоге ноль, как полагал, без палочки. Более опытный коллега, наблюдавший по внутренней видеосети, зацепочку обнаружил.

– Слишком спокойно себя вела, – изрек, поучительно подняв указательный палец, – для обычной курицы с улицы. Нет удивления и протестов нет.

– Так к ней в отделение, небось, наркополицаи через день шастают по поводу нариков-пациентов, – попытался возразить опер, проводивший допрос.

– Мне представляется, – старший гэбист пресек бунт на корабле, – ожидала нашего появления: на вопросы отвечала без раздумий, будто заранее представляла, о чем будем спрашивать.

– Хм, нельзя исключать подобный вариант. Как действуем дальше?

– Выставляем за ней «наружку», контролируем телефон и компьютер. Выведет нас на объект поиска. Уверен!

– В больничке будет вне наблюдения. Надо бы в отделение человечка внедрить, вдруг «ленин» туда заявится.

– Под видом больного?

– Нет, из палаты сложно поляну сечь. Лучше под видом мента в коридоре посадим, мол, охраняет важного пациента или преступника-наркомана.

– Недурная затея! Займись. Бабу отпусти, извинись за недоразумение, дай свой телефончик, – руководитель опергруппы уже начал прикидывать, как грамотно доложить наверх, чтобы начальство пистон не вставило. – Волосы, что изъяли из сеточки слива в душе, отправим на экспертизу ДНК – через сутки определимся с аутентичностью «вождя».

Книги любил с детства, отец поощрял тягу гимназиста к литературе. За три единственные месяца университетской жизни успел немного, зато в сибирской ссылке наслаждался каждым томиком, что Крупская и товарищи присылали в Шушенское. В заграницах упивался возможностью проработать серьезные издания, много занимался научной работой. Потом «запломбированный вагон» провез через Германию в революционную Россию, где времени смотреть на листы или покрывать их записями почти не осталось. Бумажный червь стал тигром, волею судьбы возглавившим восстание в Октябре. И сейчас он стоял перед полками с 55 (!) синими корешками Полного собрания сочинений самого себя и не верил глазам: «Я столько написал? В одиночку?» Выбрал наугад том, раскрыл. Названия статей знакомы: «Действительно моё!». Стал проверять другие, и в конце концов докопался до неизвестного названия «Все на борьбу с Деникиным». Проверил дату – 1919. «Так вот меня откуда занесло», – отложил на время знакомство с собственными трудами. Пренеприятнейшее происшествие. Или возможность начать заново, не повторяя известных ошибок? Помочь стране, вновь столкнувшейся с архисерьезными проблемами? «Пожалуй, пожалуй, – родилась уверенность, – ведь мои труды десятилетиями владели умами соотечественников, направляли их на борьбу и свершения. Не зря же в СССР напечатано аж пять моих ПСС. Столько бумаги сейчас не потребуется: стану блоггером, кажется, так сия профессия нынче называется».

Запах кофе либо нравится, либо нет. Большинству по нраву, иным нет. «Наденька в Швейцарии всегда заказывала кофе», – вспомнилось ему, предпочитавшему пиво, в Германии особенно ценившему баварские сорта *Weissbier*. «Вот сейчас и проверим, наступило ли изобилие после отказа России от социализма», – родился шуточный ход, когда вошел в столовую. Завтрак уже накрыли, при виде разнообразной еды у пришельца активизировалось слюноотделение.

– Что пить желаете? – спросила горничная с двумя термосами в руках. – Чай, кофе?

– *Weissbier, bitte*, – последовал заказ.

– Она только по-английски рубит, – встрял Вальяжный «дзержинец» и перевел прислуге. – Белого, нефильтрованного принеси.

«Похмеляется», – Спортивный просемафорил беглым взглядом в сторону коллеги. «Вчера трезвого привезли, а ночью спиртного негде взять», – безмолвно не согласился тот. «Зря ему потакаешь: появится товарищ Дю, взбесится». «Напротив – одобрит», – по молодости обучавшийся в шпионской школе старший уверовал, что алкоголь в скромных дозах расслабляет клиента, снимает настороженность. Это точно потребуется Боссу, ежели именно Ленин сейчас смакует пену в бокале. За прошедшие сутки сомнения почти исчезли, слишком цельный образ вождя маячит прямо перед глазами. Как ложечкой снимет верхушку вареного яйца, как подтыкает салфетку за воротник. «Стоп! Заношена рубашка! Наверное, и бельишко попахивает уже. Экипировочку следовало бы освежить, негоже Ильичу ходить в грязном исподнем». Карманы гостя уже проверили, пока тот неспешно наслаждался ванной. Находок не густо: пропуск от Бонч-Бруевича, небольшая сумма в мятых современных рублях и сухарь, трогательно завернутый в сравнительно чистый носовой платок.

Предложение прогуляться по обширному лесному участку Ульянов отверг: «Некогда-некогда. Сейчас архиважно вникнуть в текущий момент. Поработаю в библиотеке. Мне бы туда заказать мороженого, пломбира. Можно, да? И еще ту штуковину, где трогаешь стекло и сайты открываются новостные». Планшетник ему выдали с выходом в интернет, но блокировали доступ к электронной почте и мессенджерам. Босс приехал в гордом одиночестве – разговор с помощником не вдохновил на публичное знакомство с пришельцем. «Если он тот, за кого себя выдает, это – бомба, – размышлял, сидя в «ауди» нынешний лидер большевиков. – Сам решу, когда и если ее рвануть. Хотя крайне маловероятно, что имело место воскрешение Владимира Ильича. Наш человек в персонале НИИ, что занимается сохранением мавзолейной мумия, сообщил: тело на плановой обработке и вот-вот опять будет в открытом доступе». Ленивое движение, вернее ползучая пробка, на Рублево-Успенском шоссе оттягивало волнительный момент встречи. Наконец свернули в узенький проезд между трех— и четырехметровыми заборами, распахнулись железные ворота с камерами наблюдения, вооруженный охранник заглянул в салон. «Уф, добрался!»

– Как? – на ходу бросил старшему «дзержинцу».

– Позавтракал, работает с литературой, осваивает компьютер.

– Я не о том! Как тебе?

– Аутентичный типаж, манера речи соответствует, костюм столетней моды, носит в кармане сухарь.

– Шутки шутишь? Какой сухарь?

– Обычный ржаной.

– Образцы взяли?

– Не хотели пугать, залезая в рот ватными тампонами. Для начального анализа ДНК сойдут и волосы – взяли с расчески в ванной. Рыжеватые, как и ожидали.

– Сам-то что думаешь? Неужели ОН?

– Да, – твердо выговорил бывший оперработник, веривший в свое чутье. – Вы, полагаю, понимаете, какая поднимется буря.

– Еще бы, – неохотно согласился партийный руководитель. – Вселенская!

– «Мы на горе всем буржуям мировой пожар раздуем»? – Вальяжный переделал цитату в вопрос.

– Окстись! – лидер современных большевиков перекрестился, что с ним нередко случалось по причине настойчивых попыток смычки с православной церковью. – Стране нужен мир и покой, и так потрясений выше головы.

Мысленно попросив Господа о содействии – на благословение не рассчитывал из-за многочисленных прегрешений, решительно вошел в распахнутую дверь виллы. Как-то примет тот, кого привычнее называть «Ум, Честь и Совесть нашей эпохи». Коктейль из трех ингредиентов не знаком ни градусом, ни вкусом. За здоровье или за упокой предстояло испить чашу сию? Не подведут ли «дзержинцы», если придется упокоить страждущую душу, забредшую на сто лет в будущее. Поймут ли партийцы, если узнают, что товарищ Дю оказался вынужден сделать столь жесткий выбор? Хотя если человек, выкраденный из Жулебино, провокатор, подсланный врагами, то иного выхода не будет. «Надо выйти на позитив, использовать Вождеявление для усиления позиций партии, – отмел малодушие. – Обниму как родного, пусть включается в идеологическую борьбу. Не с бухты-баракты, а когда наступит подходящий момент, естественно, и в нужном ключе». Мечта о «левом повороте» страны стала ярче. Оставалось выяснить станет ли конкретнее.

Глава 8

АКУЛА

Если свернуть с Арбата в переулок, исчезнут зеваки-туристы, торговцы-лоточники, барды-гитаристы и шаржисты-портретисты. Чище, тише, малолюднее, а главное – иные обитатели. Обеспеченные жильцы старинных и не очень домов, сотрудники солидных офисов, клиентки дорогие салонов красоты, врачи с юристами и их посетители. В спокойных заводах есть и шумная бухточка, где обитает «АКУЛА» – Академическое Камерное Училище Литераторов и Артистов. Вокруг него завихрения из абитуриентов и их родителей, а также педагогов и жуликов, обещающих «надежное поступление за скромные деньги». Рядом общага, где давно, раньше и теперь квартируют потенциальные гении, шедеврами которых искусство только и живо. Именно здесь на первом году обучения счастливые студенты еще верят, что «поэт в России больше, чем поэт», что «красота спасет мир» и тому подобным клише. В свое время не миновала ярмарки тщеславия и Лидочка, приехавшая, дабы театр и кино обрели потрясающую актрису. Назад в Питер вернулась обрюхаченная младенцем, поскольку преподаватель давал ей уроки не только сценического мастерства, не пользуясь противозачаточными средствами.

– Тетя Клава, не узнаете? Это я – Лида, училась у Мещерского, – ввела в курс комендантшу, артистично потряхивая перед ее носом портмоне.

– Лидка! – притворилась, что признала опытная дама, повидавшая разных постояльцев – законных «акулят» и незаконных гостей столицы. – Надолго к нам?

– На неделю, а там как сложится. Я с другом, – девушка кивнула на стоящего в сторонке Керенского.

– Солидный мужчина, – вынесла вердикт хранительница проходной и ловко изобразила на пальцах таксу за ночь. – Деньги вперед за неделю.

– На третьем этаже, с окнами во двор можно?

– Только из уважения к Мещерскому. Он, кстати, здесь. «Принимает зачет» у первокурсницы.

И точно – на третьем этаже на встречу попала слегка оплывшая, но внушительная фигура с творчески взъерошенными вихрами того неопределенного оттенка, что встречается у мужчин, успешно переживших кризис среднего и последующих возрастов. Большой корабль плыл по коридору и мелкие лодчонки учащихся расступались. Только и питерский гость привык, чтобы ему очищали фарватер, и шел встречным курсом. Столкновение, а штурманша пыталась его предотвратить, дергая за рукав, становилось неизбежным. Предвкушая инцидент, зрители вытягивали шеи, стараясь разглядеть мизансцену, которую готовила Жизнь – лучший из режиссеров. Но ружье, уже повисшее на стене, не выстрелило: демиург-постановщик предпочел использовать эффект обманутого ожидания.

– Сударь, вы бы смотрели по сторонам, – затормозив, бросил экс-глава Временного правительства, раздраженный путешествием из Петербурга в Москву, – не ровен час пострадаете от собственной рассеянности.

– Вы, собственно, что тут делаете? В училище посторонним вход воспрещен, – остановился и преподаватель, только тут подняв очи, ранее опущенные к долу. – Боже, какая фактура! – мозг переключился в профессиональный режим. – Не припоминаю: вы из Ленкома или из Таганки?

– Керенский Александр Федорович, – точный полупоклон головы при абсолютно прямой спине.

– Ну, конечно! Извините, сразу не признал. У кого сейчас снимаетесь? Не слышал, чтобы запустили в производство фильм про революцию.

– Александр нынче в простое, – поспешила вмешаться женщина. – Я – Лидия, его импресарио. Кстати, у вас училась.

– Да-да, милочка, – не узнавая давнюю пассию, буркнул гроза студенток с академической неуспеваемостью. – А реквизит «керенского» у вас имеется с собой? Френч, сапоги и прочее?

– Имеется, – почуяв потенциальную антрепризу, «импресарио» тряхнула сумкой с вещами.

– Волшебное! Возможно, у меня что-нибудь для вас образуется, – Мещерский непривычно для себя обогнул айсберг, излучавший холодное презрение, и заспешил в рабочий кабинет, чтобы сделать звонок. – Не исчезайте, потребуемся ближе к вечеру.

Кто бывал в общагах, не удивился бы аскетизму и запущенности комнаты. Небывавших обстановка способна расстроить до слез. Вождь после краха февральской революции успел переночевать на дюжине конспиративных квартир. Сперва из числа «господских» – с анфиладой комнат и залов. Потом «обывательских» – достаточно вместительных и комфортабельных. Потом петербургский резидент английской разведки «Сомервиль», в последствии известный писатель Сомерсет Моэм, прятал его в клоповниках трущобного Петрограда. Именно их напоминали запустением закоулки АКУЛы. Нет, ТВ и холодильник имелись, интернет функционировал, но, видимо, для формирования артистизма, как и революционности, во все времена нужны спартанские условия. Сильнейшие пробиваются наверх, слабейшие спиваются вниз. Остальные держатся на плаву, выживая любыми способами, как Клава, Лида или Мещерский.

Оппозиция считается либеральной, лишь поскольку не призывает вешать либералов. Остальных порой очень хочется, если не вздернуть, то вздрючить по-взрослому. Митрофан по кличке «Полтора процента» хотел бы жуткой участи для троицы хохочущих парней, явно антилибералов. Истовый гнев не мог остудить сливочный крем, стекающий по упитанным щекам. Торг прохладный – злоумышленники купили здесь же перед метанием в бывшего премьера правительства РФ. И прямо в престижном ресторане совершили злодеяние против оппозиционного лидера. Хотя за такого его держали лишь некоторые посольства и иностранные СМИ. Выросший из финансовых чиновников постсоветской России, прорвавшийся на правительственный Олимп и низвергнутый с него он страстно мечтал вновь оказаться в правящей верхушке. Увы, в Кремле его не замечали, не желали ставить на кормление. От того на душе грустно, хотя карманы не пустовали и гастроли на Западе доступны, пусть с крайне скромной аудиторией. От того хотелось порвать как бумажку ближайшего тортометателя, но – не цареве дело, опять же физическая форма подзапущена, да и пригласивший на обед бизнесмен струсил.

Пока составлял заявление в ОВД «Китай-город», настроение упало до отрицательных величин. Фыркающие от смеха менты, задержанные бомжи, обворованные туристы – отнюдь не либеральный электорат. Единственным представителем последнего являлся адвокат, гладкий и обходительный фронт, чье благополучие напрямую зависело от неблагополучия клиентов.

– Число правонарушителей стоит указать побольше, – подсказывал тот, – иначе публика удивится, почему вы и ваш приятель не дали отпор хулиганам. Например, так: действовала преступная группа в составе пятнадцати-двадцати человек, очевидно, вооруженных.

– Не слишком? – усомнился экс-премьер.

– Вы же сказали в заведении было примерно столько гостей. Любой из них мог быть в сговоре с бандитами. Пусть правоохранители разбираются. Надо ликвидировать в зародыше угрозу вашей жизни и здоровью.

– Полагаете, мне угрожает нечто серьезное? – волнение усилило свекольный цвет щек жертвы.

– История не знает случаев, чтобы тортометание позже перерастало в покушение, но кто знает... В прочем не будем о грустном: идете на корпоратив «СуперБанка»? Обычно у них затейливо, с выдумкой. Нельзя же день заканчивать на грустной ноте.

– Пожалуй. Следует всем показать, что мой дух не сломлен. Репрессии и провокации не заставят меня отказаться от борьбы за демократические идеалы, – стал оживать «Полтора процента», закончив бумажную работу и предвкушая работу основную – сбор спонсорской помощи для спасения России.

Агентесса «Прима» готовилась к выходу в свет тщательно: изнуряющие занятия в фитнесе (1,5 час.), расслабляющее лежание-сидение в салоне красоты (3 час.), возбуждающее копание в гардеробной комнате (40 мин.). День заканчивался, начинался рабочий вечер – авто представительского класса ожидало у подъезда respectable дома на Остоженке. Оставались последние штрихи макияжа. Как всегда, в последнюю секунду возникла проблема: пряжка на «лабутенах» никак не застегивалась – дырочки на ремешке новеньких туфель не разработаны. Уф, справилась! Вперед, на амбразуры, то бишь в дворец торжеств с исконно русским названием *Zaliza*. Место знакомое донельзя – юбилеи, свадьбы, крестины, бар-мицва и прочее. Чуть не каждый любовник считал своим долгом тащить туда на тусовку, обычно бессмысленную, но важную для него. Сегодня – другое дело: вечеринка важна для нее лично. Формально крупный банк отмечает годовщину создания, фактически денежные мешки устраивают смотр кандидатур в Координационный совет оппозиции. Куратор велел пробиться в состав: «Кровь из носа, а чтоб тебя включили». Гэбист – чудаки: туда не носом пробиваются, кровь, если и потечет, то из другого места. Хотя Илья Моисеевич – хозяин «Супера» – посторонними бабами не особо увлекается: максимум минет в рабочем кабинете и вся любовь. Жену боится, хотя, говорят, после рождения третьего ребенка с ней не спит. Мечта, а не потенциальный любовник: десять минут работы языком и губами, остальное время свободна.

«Зря папа ругал меня за распушенность, очень она способствует политической карьере, – всплыла старая обида на родителя, которому преждевременная кончина позволила остаться в истории демократически избранным мэром, а не коррупционером. – Лучше бы мамочку мою воспитывал, а то, овдовев, половину депутатов через себя пропустила». Настойчивые гудки мерседесовского клаксона прервали когнитивный поток сознания, столь типичный для телеведущей и журналистки, чья фамилия Маршак приобрела известность благодаря покойному отцу и протекции его подручного, столь возвысившегося после переезда в столицу.

– Софа, не начинай опять, – скривился банкир, безуспешно пытаясь нацепить черную бабочку, которую требовал черный же смокинг. – Это – бизнес, ничего более.

– Илюша, оно тебе надо: лезть в политику? – тощая супруга к сожалению не находила свободного пальца, чтобы пристроить надцатое любимое кольцо. – Чтобы ты не делал, сколько бы денег не вгрехал, а люди никогда не полюбят толстого и богатого еврея. Ни в России, ни где-то еще.

– Даже в Израиле? – съехидничал муж, с облегчением надев просто пиджак и оставив расстегнутым ворот белой рубашки.

– Там и подавно. Скажи внятно, зачем тебе поддерживать Координационный совет? Ты же не думаешь, что оппозиция сумеет прийти к власти и принести счастье в наш дом?

– Счастье в доме – это ты, Софа. Оппозиционеры играют роль карасей развлекающих нашу Шуку № 1. Пока они вокруг Кремля плавают, на них отвлекается внимание его хозяина. Мальчишу-Кибальчишу некогда нами, буржуинами заниматься.

– А ну, как узнает, что скрыто подкармливаешь «карасей»?

– Я же не напрямую. Мои партнеры – нынешние и бывшие – подачки подкидывают.

– По-любому тебе яйца оторвет.

– Не, сперва ногами затопает. Я испугаюсь, покаюсь, ему приятно будет. Еще больше меня ценить станет. Каждый *гой* мечтает иметь послушного иудея. Желательно с активами на сумму с девятью-десятью нулями.

– И когда уже иноверцы поймут, что послушных евреев не бывает, – уже примирительно прокомментировала супруга, сумевшая рядом с часиками пристроить браслет от *Cartier*. – Только Навуходоносор и Гитлер доперли.

– И где они теперь? – риторическим вопросом Илья подвел итог совещанию в узком кругу.

– Лучше вспомни, где теперь члены «семибанкирщины», что вертели президентом Ельциным, как хотели.

– Некоторые по-прежнему здесь, дорогая, – улыбнулся уцелевший банкир.

Под прикрытием двух внедорожников с телохранителями вырулил «майбах» из резиденции на Рублево-Успенское шоссе. Машины трудяг попроще ползли плотным потоком навстречу, покидая мегаполис после работы. Илья ехал «против шерсти», чтобы вновь показать, кто в столице хозяин. Как неосторожно, но метко заметил молодой и несдержанный коллега по цеху: «У кого нет миллиарда, пусть идет на *****». Понятно, что человеку, пятикратно превысившему данный рубеж, с безденежным человеком не по дороге. Даже себе боялся признаться, куда же ведет его собственный путь. Пока тот виделся многовекторным: если так, то сюда, если иначе, то туда. Варианты зависели от развития ситуации в стране и мире, факторы влияния столь многочисленны, что непонятно, куда вырулит толстый и богатый в расстегнутом пиджаке и без бабочки. Требование *black tie* распространялось на гостей, а не на хозяина жизни. Он сам устанавливал правила, и главное из них – при любом раскладе выжить, сохранить богатство и могущество. Потому и готовился к встречам на корпоративе с теми, кто нужен сейчас, будет полезен завтра или станет важным послезавтра.

Политическая окраска, национальная принадлежность, сексуальная ориентация – бессмысленные лейблы. Они лишь помогают несведущим раскладывать субъектов по полочкам. Опытный глаз видит сущность индивида, раздевая от одежд, в какие бы имярек не рядится. Либерализм, марксизм, консерватизм – суть виды камуфляжа для политиков, рвущихся за куском пирога. И каждый день им хочется бюджет побольше, откат посущественнее, власти помощнее. Сегодня косяком попрут «целовать руку», ту, что достает из кошелька монетки и купюры. Будут ловить его взгляд, бубня заготовленные здравницы в честь «СуперБанка». И взоры их женщин станут гореть желанием, возбуждаясь от сильнейшего афродизиака – вида денежного мешка, превышающего ВВП иных стран. Дурочки позавидуют бриллиантами Софы, умные станут напрашиваться к нему кабинет на сеанс орального секса. Среди них могут оказаться и мужчины или внешне подобные им существа.

То чуть позже, а в данные минуты пневмоподвеска убаюкивала, разгружая сознание от навязчивых мыслей и видений, отодвигая в будущее – пусть недалекое – принятие решений, способных круто изменять судьбы людей, предприятий, партий, государства. Легкое всхрапывание заставило жену бросить недовольный взгляд на мужа. Она ненавидела храп, надоевший, когда еще делили одну спальню. Ведала, что скоро расслабится и сфинктер, перестав удерживать газы в кишечнике. Толкнула: «Приехали, соберись». Илья знал ее уловки и не обиделся: столько лет вместе – матери его детей простительно вольное обращение с благоверным. Главное – не есть ничего на банкете: место не особо кошерное, но такую ораву в другом не прокормить.

– Как можно кушать такую дребедень? – возмущался Керенский, с отвращением глядя на свои пальцы, испачканные кетчупом из чизбургера «Дакмональдс». – Неужели нельзя найти заведение, где подают дичь или говядину порядочную?

– Найти легко, если денег и времени навалом, – терпеливо пояснила Лидия. – А у нас работа на корпоративе через полчаса, и карман от бабла не ломится.

– Ангажемент странный. Почему твой знакомый режиссер меня пригласил? Роль не объяснил, – облаченный во френч мужчина решительно положил назад в картонную коробочку остатки котлеты и остальные ингредиенты фаст-фуда.

– Как ты не понимаешь? Там будут влиятельные бизнесмены и политики. Это – шанс познакомиться с элитой, произвести впечатление. Ведь мы, – девушка умело включила себя в состав *Dream Team*, – сразу попадем в нужный круг общения. Это не у Исаакия сшибать по пятерке и десятке. У гостей долларов и евро хоть задницей ешь.

Идиома из новояза была не до конца ясна, с точки зрения количества валюты в распоряжении гостей «СуперБанка», но совершенно понятна, с точки зрения её качества. Керенский в шахматах разбирался слабо, но твердо усвоил от отца, что в игре качество важнее количества. Оставалось применить свои отточенные навыки овладения умами толстосумов, пусть и будучи приглашенным скоморохом.

– Хоть руки тут можно сполоснуть? – процедил сквозь зубы и неожиданно остался доволен чистотой туалетной комнаты в сети общественного питания XXI века. – Не всё тут ГМО, – ввернул вновь услышанный термин, стоя перед зеркалом и поправляя безукоризненный ежик стального цвета. – Вперед, труба зовет. Сабли к бою!

Глава 9

Грелка

Чаще лучше молчать, иногда – говорить. Только как сделать правильный выбор любому из собеседников, если оба привыкли вещать? Остановить вождя, пусть даже никудышного оратора, можно либо грубой физической силой – к чему прибегать рановато, либо встречным палом огненных слов. Глаголом рекомендуют жечь сердца людей: чего их жалеть-то? С партийцами высокого ранга следует обходиться бережливее, по крайней мере, пока те не объявлены политическими отщепенцами или идеологическими отступниками. Красная черта еще далека.

– Вы сами себе противоречите, товарищ Дю, – Ленин умело нанес удар словесным серпом по половым органам оппонента. – Из вашего же рассказа вытекает, что некий Фубайз передал фабрики рабочим, а землю – крестьянам, или колхозникам, если использовать современную терминологию. Это и есть национализация, которой требовал Карл Маркс и я лично добивался.

– Ваучеры, бумажки, трудящиеся получили. И те продали капиталистам, получив взамен кукиш с маслом, – руководитель партии столь же ловко применил вербальную веерную защиту.

– От чего же?

– Жрать хотели, водки хотели, вот и отдали не за понюшку табака.

– Удивительная близорукость! Куда смотрели большевики, почему не вступились за права пролетариата и трудового крестьянства?

– Пробовали, только власть в стране захватили прозападные либералы.

– Ставленники компрадорской буржуазии?

– Они самые.

– Однако в России победил социализм: власть на местах принадлежит Советам, проведена электрификация – вон сколько лампочек горит в этом лесном дворце.

– Да, Владимир Ильич, вы справедливо писали: «Социализм=советская власть+электрификация всей страны». Только влияние Советов нивелировано вертикалью власти, установленной Кремлем при помощи правящей ныне партии «Цельная Русь», а национальную энергетику расчленил и приватизировали Фубайз и же с ним.

– Опять Фубайз! Прямо злой демон! Везде поспеваает.

– Нынче за госсчет «развивает» нанотехнологии...

– Что за зверь?

– Мелкие штучки, типа мини-компьютера, который вы начали осваивать.

– И каковы результаты?

– Ноль, вернее, отрицательные. Как заметил остролов: «Потратив гору денег, удалось изготовить микроскопическую модель самолета. Причем столь маленькую, что её не видно не только невооруженным глазом, но даже под микроскопом».

– Смешно!

– Грустно!

– Хотел бы я встретиться и поdiskутировать с господином Фубайзом.

– Постараемся организовать. А пока готовы исполнить любую вашу просьбу. Может быть, что-то требуется в персональном плане – не стесняйтесь. У партии есть серьезные финансовые и материальные возможности.

– Что подразумевают ваши слова?

– Например, вам следует сменить костюм.

– Ну, костюм свежий не помешает, но только точно такую же тройку.

– Слишком она характерная, а вы в розыске, товарищ Ленин, – покачал головой современный революционер.

– На каком основании? – заволновался революционер из прошлого.
– Изучаем вопрос. Тайная полиция ищет, это точно. Но не волнуйтесь: здесь вы в безопасности.

– Что ж, пока вхожу в курс дела, можно и на конскквартире отсидеться. Только Марию мне привезите, пожалуйста, чтобы за здоровьем приглядывала.

– Обязательно, – одобрительно пообещал Дюбенин, на личном опыте знающий сколь благотворно влияние женщины на мужчину. Особенно постоянное и физиологическое. Опять же, через бабу легче контролировать вождистские замашки посланца из прошлого. Врачиха сможет взять мазок для анализа ДНК пришельца. «Не забыть поручить изъять образцы биоматериала Ульянова из Горок Ленинских», – сделал мысленную пометку. Чистая формальность: и так ясно, кто поселился в «Бетховенской» части загородного дома. «Мы перевернем страну! – мечтал Дюбенин, покидая Жуковку. – «Левый поворот» станет левым переворотом!»

Сиюминутная мечта Ильича была приземленнее: при случае порвать Фубайза, как Тузик грелку – кажется, так звучит актуальный синоним выражения «в ключья». И еще хотелось, чтобы прошла боль в затылке. В прочем, последнее желание осуществилось моментально. Вальяжный «дзержинец» с первого взгляда узрел причину нахмуренного лба у постояльца и предложил несколько видов анальгетика. Обилие таблеток смутило Владимира, природная осторожность, помноженная на многолетний опыт конспирации, взяла верх: «Ладно одну единственную, ту – розовенькую. Впредь стану принимать микстуры только из рук Марии».

Среди обилия мыслей, пульсирующих в прояснившейся голове, мелькнула личная, вовсе не мирового и даже не общенационального характера: должно быть приятно засыпать под «Аппассионату» с Машей под боком. «Какие у нее мягкие руки, высокая грудь», – желание возникло неожиданно, толи превосходное питание помогло, толи возбуждение от предстоящей схватки с контрреволюцией. Ничего неделанье и прогулки на свежем воздухе часто ведут к росту сексуальной потенции. Хотелось дергать, пусть пока и не в постели. Нежданное предложение Спортивного «дзержинца» упало на благодатную почву.

– Владимир Ильич, вы бы поплавали в бассейне, пока новую одежду не привезли.

– Охотно. А портного уже вызвали?

– Нет, в интернет-магазине заказали. Курьер будет через час-другой.

Шеф ГБ редко бывал в добром настроении – работа не давала поводов. То теракт, то резонансное убийство, то шпион завелся в неполюженном месте. Тем приятнее мелкие оперативные радости.

– Уверен, что правильно считал сигналы? – для пущей важности переспросил зама.

– К гадалке не ходи: товарищ Дю среди бела дня помчался на дачу Агрохолдинга, хотя ее формальный владелец отсутствует. Ясно, с кем-то встречается.

– Твои люди следят за лидером парламентской фракции большевиков? Без моего разрешения и санкции Кремля?

– Ни в кое случае, – подчиненный на зубок знал правила общения с начальством, – просто его машина – из спецгаража – оснащена ГЛОНАСС датчиком определения местоположения и маршрутов. Обеспечение безопасности известного политика требует, чтобы Служба знала, где тот находится или находился.

– Да-да, так № 1 и скажу. Давай дальше.

– Затем с дачи поступил заказ на два темных мужских костюма-тройки 48 размера и полдюжины рубашек не приталенных, – докладчик заглянул в папочку со справкой, – воротник 41, белых, а также на два галстука в горошек, темных. Именно подобным образом одевался разыскиваемый нами субъект.

– Планируешь устроить рейд в Жуковку на основании косвенных данных?

– Нельзя действовать столь грубо в самом начале. Просматриваются два варианта действий: первый – продолжить наблюдение, второй – откровенно побеседовать с товарищем Дю на высоком уровне.

– До конца дня внеси ясность: есть на даче Ильич или нет. Вели опросить выходящих из нее лиц. Пошли внутрь человека.

– Прослушку на все телефона на объекте?

– Рано, опять же может произойти утечка. Скандал недопустим. Что по женщине-врачихе?

– Контролируем полностью, включая телефон и интернет. Один пациент-наркоман написал на нее заявление, мол, злоупотребляет препаратами строгой отчетности.

– По чьей инициативе настучал? – поднял брови шеф.

– Ничего противозаконного: просто побеседовали с пациентом от имени наркоконтроля.

– Что по Керенскому?

– Есть информация, он перебрался в Москву.

– Как ушел из Питера?

– Тупо вылетел рейсовым самолетом, предъявив паспорт на имя Керенского Александра Федоровича.

– Прохлопали! Кретины!

– Кто же мог подумать? Паспорт такой органами ФМС не выдавался. Видимо, фальшивый. След в Москве потерян. Но с ним девушка легкого поведения, парочку легче найти. Пройдем по ее биографии, связям в столице.

– Время уходит, а ничегошеньки толком не выяснили, – раздражение выплеснулось пока ограничено, но заместитель понял: вскорости может последовать серьезный пистон с самого верха.

Курьер сперва заартачился: мол, не стану брать камеру и микрофон. Понятно, боялся: в серьезной рублевской резиденции могут отметить за оперативные хитрости. Когда его обыскали и нашли существенное несоответствие наличности и общей суммы приходных ордеров, то обмяк. Окончательно согласился, услышав, что оперативники хотят изъять недоставленную одежду и задержать до выяснения автомобиль, как средство незаконного промысла. Увы, в дом его не пустили, рассчитались в сторожке. Но и полученный материал порадовал сотрудников ГБ: на видео сразу опознали Вальяжного «дзержинца», известного близостью к руководству большевиков. «Именно ему доверяют тонкие и сложные делишки, – прокомментировал начальник опергруппы, которая, чтя закон, не следила за партией, а лишь «обеспечивала её безопасность». – С его опытом и послужным списком ерундой не занимаются». Сообщение достигла заместителя Службы ГБ. Тот с вождением стал чесать пораженные псориазом локти. Рукава закатал раньше, когда прошло сообщение о странном звонке, поступившем на мобильник Марии: неизвестный предложил серьезное вознаграждение, если врач возьмет в больнице неоплаченный отпуск и займется здоровьем «Володеньки». Абонента вычислить не удалось, но он находился в Жуковке. Гэбист не удержался и переиначил стих неизвестного автора.

*«Камень на камень, кирпич на кирпич –
На **** ты ожил Владимир Ильич.»*

Оставалось выбрать: доложить шефу прямо сейчас или выждать до завтра. Выбрал второе – чуть подсказывало, что фишка пошла правильная, что еще немного и пасьянс сложится до конца. Идейку на сей счет подкинул начальник отдела, за которым ранее числился шустрила.

Снял трубку и дал добро на проведение оперативного мероприятия «получение информации втемную», известного также как пьянка.

Алкоголик не обязательно надирается каждый день до розовых слонов. Человек, не способный воздержаться от регулярного приема пусть и ограниченных доз спиртного, редко признается в наличии зависимости. Сотрудники правоохранительных ведомств в группе риска. Апофеозом свободы нравов может служить фраза из служебной характеристики: «... ведет себя подозрительно – не пьет». Начотдела вспомнил курьез, получив приказ сверху, и покачал лысым шаром, что крепко сидел у него на плечах, органично скрывая полное отсутствие шеи. Вызвал опера предпенсионного возраста.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.